

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

МИЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

МЕНТ ИЗ АФРИКИ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Милицейская академия

Михаил Серегин

Мент из Африки

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Мент из Африки / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Милицейская академия)

Предстоящий чемпионат по бодибилдингу ознаменовался целой серией криминальных событий! Сначала машина сбивает главного фаворита состязаний, потом похищают кубок победителя... Придется юным милиционерам срочно найти и обезвредить дерзких преступников! И не последнюю роль в этом сыграет обаятельный чернокожий курсант Федор Ганга.

© Серегин М. Г.

© Научная книга

Содержание

1	5
2	12
3	20
4	29
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Серегин

Мент из Африки

1

Над Зюзюкинском, не жалея сил, светило солнце. Оно жгло неприкрытые затылки жителей города, высушивало траву. Все зюзюкинцы ходили с обгорелыми носами, самыми продаваемыми продуктами были холодное пиво и сметана. Первое жители города потребляли внутрь, а вторую мазали на обгоревшие части тела. Лето выдалось на удивление жарким и солнечным.

Только в немногочисленных парках можно было еще найти спасительную тень. Лавочки вечно заняты, продавщицы мороженого сдавали каждый вечер небывалую выручку. За неимением сидячих мест занимались лежачие, и буквально под каждым кустом шевелился какой-нибудь зюзюкинец.

– Леха, а Леха! – послышалось из-под одного куста.

– Чего тебе?

– Сгоняй за пивом, а?

– А чего сразу я? Вон пусть Шутконесовы сходят, им вдвоем не скучно.

Тот, кого называли Лехой, попытался предложить собеседнику альтернативу, а выражаясь ненаучным языком, перевести стрелки.

– Зато тебе не привыкать.

– Вот еще!

Идти куда-либо, пусть даже за пивом, курсанту Алексею Пешкодралову не хотелось. Ровно три года назад он прошел пешком двести километров, но, во-первых, им тогда двигало очень сильное желание поступить в Школу милиции, а во-вторых, жара была совершенно несравнимая с теперешней. Сейчас никакого сильного желания у Лехи не было, а потому и идти куда-либо он не хотел.

Зато пива хотелось Вене Кулапудову, который и уговаривал Леху старательнее прочих. Вообще, Веня был человеком серьезным и ответственным, в прошлом хулиган и злостный нарушитель общественного порядка, а ныне курсант Школы милиции. Перевоспитавшись, Веня отказался от всех вредных привычек и дурных наклонностей, зато не забыл некоторые знания и навыки, оставшиеся с юных лет. И то, что в жару самая приятная вещь – это холодное пиво, он знал давно, наверное, выпитал с молоком матери. Именно поэтому он прилагал сейчас все усилия по уговариванию товарищей.

Близнецы Шутконесовы на самом деле (то есть по паспорту) были Утконесовыми, но буква «Ш» в начале фамилии прицепилась надежно. Однако в такую жару ни на какие шутки их уже не хватало. Вернувшись с очередного патрулирования улиц, они едва смогли дотащиться до тени деревьев и рухнули без сил на землю. Так они теперь и лежали, лишь изредка открывая абсолютно одинаковые глаза и судорожно вдыхая горячий воздух.

Рядом с ними разлегся их сокурсник Федя Ганга. Несмотря на то что папа Феди был родом из далекой и почти неизвестной африканской деревни, сын его переносил жару с трудом, как и любой обычный русский парень. Это несказанно удивляло его друзей, надеявшихся, что хотя бы он сможет в трудных температурных условиях выручать товарищей. При этом ни у кого даже не возникало мысли, что Федя симулирует, в его честности можно было быть уверенным на все сто процентов.

Единственным, кто еще сохранял хоть какие-то остатки энергии и жизненных сил, был Санек Зубоскалин, в народе больше известный как Дирол. Прозвище было дано ему за широ-

ченную белоснежную улыбку, которая и теперь не сходила с его лица. Увидев это воодушевление, Веня решил попробовать сагитировать его на поход за пивом.

– Дирол, пива не хочешь?

– Хочу, – радостно отозвался тот.

– Сгоняешь?

Дирол быстренько смекнул, что если за пивом пойдет он, то и самое холодное пиво тоже достанется ему. Кроме того, он сможет не ограничивать себя в потреблении напитка, тогда как среди товарищей пиво придется разделить поровну.

– Без проблем, – отозвался он, чем приятно удивил товарищей. – Деньги сдавайте.

Денег практически ни у кого не оказалось. Тех монет, которые нашлись в карманах у Феде и Дирола, не хватило бы даже на одну бутылку. Ну, может, с учетом диригольского обаяния одну «чебурашку» купить бы и удалось. Но что это такое – единственная бутылка на пятерых (Леха не в счет) здоровых курсантов. Все дружно облизнулись, вздохнули и снова растянулись на траве.

Итак, лето было в самом разгаре. Большинство курсантов разъехались по домам и теперь повсюду нагуливали жирок на домашних харчах. Изучаемая группа также побывала дома, но ничего примечательного помимо еды там не обнаружила. Леха выяснил, что, пока он обучался в городе, его единственная и неповторимая Нюрка выскочила замуж за комбайнера. Быть может, поэтому на душе у него теперь было беспокойно. Дирол обнаружил, что дома скучно, никто не ругается и не будит рано утром. На его приколы домашние реагировали как-то неадекватно: не отправляли его мыть туалет, не лишали завтрака или ужина, а наоборот, кормили еще больше и чаще. Пожив в такой обстановке недельку, Дирол решил, что в училище все же веселее, а еду всегда можно взять с собой.

Федя Ганга жил непосредственно в Зюзюкинске, поэтому не испытывал тоски по родному дому, а также недостатка в подкормке в течение всего года. Кроме того, его мама, всю сознательную Федину жизнь скучавшая по его папе, наконец начала строить личную жизнь. Сын справедливо рассудил, что его наличие в доме наверняка будет негативно сказываться на маминых отношениях с поклонниками, и предпочел переселиться обратно в общежитие. Что касается Вени, то своих родителей он не помнил и каждое лето проводил в стенах школы. Его любимая девушка Зося тоже проживала в Зюзюкинске и готовилась поступать в Школу милиции, и его это крепко удерживало в городе.

Семья близнецов жила в соседнем городке Калошине и часто, а по мнению братьев, даже слишком часто, навещала их. Услышав о том, что вся развеселая компания вернулась в Зюзюкинск, близнецы, не раздумывая долго, сбегали из дома. Сначала их долго искали по всем вокзалам области, потом страны, но безуспешно. Собирались уже отправлять запрос в ООН или в Интерпол – этого точно не решились, но тут бабушка близнецов, дама весьма сообразительная, предложила поискать их в Зюзюкинске, в Школе милиции. Сначала это предложение было воспринято без энтузиазма, так как Антон и Андрей Утконесовы никогда не демонстрировали излишней склонности к учебе. Тем больше было удивление родителей, когда близнецы оказались именно в Зюзюкинске и именно в Школе милиции.

Итак, этим летом все курсанты решили пожить в общежитии. Руководство школы этому факту весьма обрадовалось и сразу нагроулило парней работой, от которой они валились с ног, даже несмотря на то, что работали всего по полдня. Обычно патрулировать улицы города было не очень сложно, но страшная жара сделала это занятие опасным для жизни. Мало того, что все курсанты вынуждены были несколько часов подряд бродить по жаре, так они еще и делали это при полном обмундировании.

Вот после одного из таких дежурств курсанты и встретились в парке, чтобы прийти в себя и спланировать вечер. Пока, кроме мыслей о холодном пиве, в голову ничего не приходило. Да еще и комары стали одолевать, видимо, они тоже прятались от жары в тени.

– Знаете, какой самый лучший способ избавиться от комаров? – глубокомысленно изрек Леха, отмахиваясь от летающих кровососов.

– Какой? – вежливо поинтересовался Федя.

– Залезаешь под диван, и все комары слетаются, чтобы тебя есть...

– А для надежности лучше под шкаф, – прервал его Дирол, уже раз сто слышавший этот совет от разных людей. – Он тяжелее.

– А если нет дивана? – спросил Федя.

– Ну... тогда под лавочку, – решил Леха.

– А если лавочки нет, тогда подходишь к дереву и стоишь рядом с ним смирненько, – снова встрял неугомонный Дирол. – Комары садятся на тебя, а в этот момент к дереву подходит Федя Ганга и валит его. Дерево ударяет комаров, и они умирают. Все разом.

– Очень смешно, – обиделся Федя, вспомнивший недавний случай, когда он сначала свалил дерево в парке, а потом был вынужден посадить огромное количество саженцев в качестве наказания. И ведь дерево-то он валил для благого дела, а теперь Санек насмехается. А сам, между прочим, в тот раз косил под бомжа и пустую бутылочную тару таскал.

– Благодарю за оценку моего таланта, – Санек приподнялся и вежливо поклонился Феде. – Где цветы и рукоплескания?

– Ты не боишься, что вместо рукоплесканий я решу заняться рукоприкладством? – добродушно спросил тот. К счастью, долго обижаться он не умел, особенно на своих товарищей.

– Надеюсь, что нет. Иначе как же я покажусь на глаза нашему любимому майору Ворохватову?

– Ты хотел сказать, полковнику Ворохватову? – уточнил Антон Утконесов.

– А точнее, генералу Ворохватову! – подхватил Андрей. – В мечтах он, наверное, уже видит себя главнокомандующим.

– Что ты, это так мелко! – замахал руками Дирол. – Вильгельмом Завоевателем, не меньше.

Кто такой этот Вильгельм, вспомнили не все, однако звучное прозвище оценили.

– Нужно его немного успокоить, – решил Веня.

Ворохватов был начальником сто двадцать пятого отделения милиции, находившегося в непосредственной близости от Школы милиции. Курсанты не могли простить ему того, что он всегда умудрялся присвоить себе все достижения их убойной группы и их курсового офицера Мочилы. Последний, конечно, и сам был не сахар, строил курсантов по полной программе, но перед начальством стоял за них горой, отмазывал от взбучек. Кроме того, капитан Мочиллов умудрялся всегда выбирать для своей группы самые ответственные и сложные задания, что помогало не скучать, а иногда даже откосить от учебы. Поэтому курсанты своего капитана уважали и даже немного побаивались, а этой чести удостаивался далеко не каждый преподаватель в школе.

Немного сбить гонор с Ворохватова хотелось давно, но все как-то не выдавалось случая или же находились другие, более важные дела. И вот теперь, когда всю первую половину дня курсанты фактически работали в его отделении, наконец выдалась отличная возможность поквитаться. Оставалось придумать такой способ, чтобы запомнился на всю дальнейшую ворохватовскую жизнь. Пока ничего гениального в голову не приходило, а размениваться на мелочи не хотелось.

Напряженные размышления были прерваны появлением Зоси.

– Привет, это я, – сообщила она, раздвигая кусты.

С ее появлением курсанты вскочили и срочно привели себя в порядок, застегнули воротнички и надели ботинки.

– Фу, какие у вас тут комары, – замахала руками Зося. – И как вы тут вообще сидите!

– А что делать! – вздохнул Федя. – Единственный способ борьбы с ними, который мне известен, не подходит.

– Да? А почему? – удивилась девушка.

– Деревья жалко, – объяснил он.

– Ну и фиг с ними, с деревьями. Можно использовать самую обыкновенную мазь от комаров. Мажешь на кожу, и ни один комар близко не подлетит.

– Умрет в полете? – поинтересовался Дирол. – Что, это так плохо пахнет?

– Просто свернет в сторону. А пахнет это вполне прилично, хвоей или травами какими-нибудь. У нас в отделении лежит целый тюбик такого крема, я вчера пробовала – помогает.

– Ворохватов мажется? – спросил Веня.

– Ага, – кивнула она.

– Постой, постой, – встрепенулся Дирол. – Ворохватов, тюбик, мажется, крем...

– Ты о чем?

– Сейчас, сейчас, придумаю. Зося, слушай, а краска для волос в тюбиках бывает?

– Бывает, – ответила она. – Но лучше оттеночный шампунь. Он точно в тюбиках. И он полезнее, потому что щадит волосы и смывается через неделю.

– Смывается... – разочарованно протянул Дирол. – Это не пойдет.

– Да ты вообще про что говоришь? – прервал его размышления Веня. – Может, поделишься гениальной идеей?

– Кажется, я придумал, как подшутить над Ворохватовым. Нужно просто заменить крем от комаров на какую-нибудь краску для волос! Лучше красную!

Сделать это можно было только с помощью Зоси, которая наотрез отказалась подсовывать своему начальнику краску для волос.

– Нет, ни за что. Чтобы мой начальник на несколько месяцев приобрел ярко-малиновый оттенок?!

– Да ты же все равно скоро увольняться собралась, – возразил Антон.

– А вдруг не поступлю? – упорствовала Зося.

Пришлось применить более эффективные методы. В течение двадцати минут курсанты наперебой рассказывали Зосе о том, каким нехорошим человеком являлся Ворохватов. При этом они немного преувеличивали его «преступления», с трудом удерживаясь от ненормативной лексики. Наконец Зося сдалась, правда, уговорить ее удалось только на временную окраску.

– Ладно, пусть будет оттеночный шампунь, – согласился Дирол. – Хотя бы неделю он походит красненький.

Когда жара немного спала, Веня и Зося отправились на базар за шампунем.

– Не похож на крем, – сообщила Зося, придирчиво рассматривая тюбик.

– Не страшно, выкрутим пробки, – решил Веня, – свет выключится и ничего не будет видно. Самое главное, чтобы запах у него был такой же, как у мази, ну, или хоть немного похожий.

– Да, тут сходства больше, – согласилась Зося. – Но я не уверена, что стоит...

Кулапудов посмотрел на нее очень грозно и прошипел:

– Зося! Ты же хочешь учиться в Школе милиции! Как же ты можешь предавать наши интересы!

* * *

На следующее утро курсанты, как обычно, явились в отделение для прохождения инструктажа и получения заданий. В просторной комнате пока еще было нежарко и на удивление тихо. Ворохватов отсутствовал.

– Ага, похоже, вчера вечером комарики здорово кусались, – прошептал довольный Дирол.

– Погоди еще, может, он опаздывает, – так же тихо ответил Веня. – Это же тебе не Мочила.

Еще десять минут ожидания не принесли никакого результата.

– И все же я хотел бы на него посмотреть, – прошептал Санек. – Жаль, что он не приходит.

– Может, домой ему позвонить? – предложил Федя.

– А что, точно. Мы же внимательные сотрудники и волнуемся, когда наш начальник, хоть и временный, не является на работу в положенное время. Давай, Федька, звони.

Домашний телефон курсанты нашли быстро, так как записная книжка Ворохватова лежала прямо на письменном столе.

– Как это неосторожно со стороны старшего лейтенанта, оставлять такие важные документы на письменном столе. Вдруг в его отсутствие какой-нибудь недоброжелатель все телефончики и спишет. Кто-нибудь вроде меня, – говоря это, Веня начал списывать на бумажку какие-то телефоны.

– Ты что? – испугался Леха.

– Да ладно, расслабься. Врага надо знать в лицо, – успокоил его Кулапудов.

В это время Федя наконец дозвонился, сделал знак рукой, и все затихли.

– Доброе утро. Я могу поговорить с Ворохватовым Иваном Арнольдовичем?.. Это говорит временный сотрудник отделения номер сто двадцать пять, Федор Ганга. Почему временный? Я курсант Школы милиции, на каникулах остался жить здесь и подрабатываю. Сейчас жду Ивана Арнольдовича в отделении, чтобы получить задание... Ах, нет его? Он уже вышел на работу?.. Не был дома? Со вчерашнего дня? Вы не кричите, пожалуйста, я ничего не понимаю... Нет, я не его собутыльник, я же говорю вам, я курсант, мне нельзя пить. Нет, я не знаю, где он... Да, обязательно... Обязательно позвоню... До свиданья, – облегченно выдохнув, Федя повесил трубку. – Слава богу, кажется, она мою фамилию не расслышала, а то бы еще полчаса разговаривать пришлось.

– Так что там с Ворохватовым-то?

– Дома не ночевал, – пожал плечами Федя. – Жена думает, что он где-то пил с приятелями.

– Понятненько, – подытожил Веня, закрыл книжицу, положил на прежнее место и слез со стола. – Испарился, значит.

– Застеснялся и сбежал, – высказал идею Федя.

– А может, он ничего не заметил и пошел пить с приятелями, – предположил Дирол.

– А они тоже ничего не заметили?

– А они к тому времени уже были готовые.

– Вот сейчас мы проведем следственный эксперимент и все выясним. Только Зося полы домоет.

– А точно, она же его вчера последняя видела. Зося! – крикнул Дирол.

Курсанты ввалились в небольшую пустую камеру, где убиралась Зося.

– Ты вчера Ворохватова видела?

– Видела, конечно.

– А кремом, то есть шампунем, он мазался?

– Не знаю. Не буду же я за ним подглядывать.

– А где крем лежит?

– В лаборатории.

Лабораторией в отделении называлось переоборудованное служебное помещение. Там помещался большой стол с микроскопом и какими-то скляночками, раковина и зеркало. Бла-

годаря этому в лаборатории можно было не только проводить экспертизу, но и умываться, причесываться и даже красить губы. Последним, правда, занималась только Зося.

Когда курсанты вошли в лабораторию, их взоры сначала обратились к зеркалу над раковиной, где на небольшой полочке лежал тюбик с шампунем, и только потом они оглядели комнату и увидели, что на полу лежит человек. Что он не мертв, можно было понять по негромкому храпу. Приглядевшись, курсанты поняли, что это и есть старший лейтенант Ворохватов. Его лицо и руки были малинового цвета и даже немного поблескивали.

– Хороший шампунь купили, с блеском, – негромко пробормотала Зося.

Как ни странно, от этого бормотания крепко спавший начальник отделения неожиданно пробудился. Сначала он внимательно, без тени удивления рассмотрел каждого курсанта, видимо, принимая их за часть сна. Потом понял, что уже проснулся, и его взгляд сразу изменился. Теперь старшего лейтенанта интересовало, что эти, вне всякого сомнения, известные ему лица делают тут, в его квартире. Еще через несколько секунд Ворохватов наконец вспомнил все, что с ним произошло, а вспомнив, немедленно ужаснулся.

– Все вон! – заорал он.

– Что с вами, Иван Арнольдович? – без тени смущения спросил его Дирол.

– Вон! – повторил тот еще громче.

Не желая напрашиваться на дополнительные неприятности, курсанты вышли.

– Делайте вид, будто с ним все в порядке, – шепнул им Дирол и вернулся в лабораторию.

На крики Ворохватова он не обращал никакого внимания.

– Извините, товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться!

Обалдев от такой наглости, Ворохватов заткнулся и кивнул.

– Ваша жена беспокоилась по поводу вашей долгой отлучки. Просила перезвонить и сообщить, где вы и что делаете. С вами все в порядке? – вежливо поинтересовался он.

– А что, не видно? – огрызнулся тот.

– Да вообще-то вроде все в порядке. Только ведете вы себя как-то странно.

– Что значит «все в порядке»? Ты что, Зубоскалин, ослеп?

От изумления начальник отделения даже вспомнил дириоловскую фамилию. Отметив этот факт, Санек остался доволен и продолжил свое психологическое воздействие.

– Вовсе нет, вижу все отлично. Вас вот вижу, лабораторию, стол, табуретки...

– И со мной все нормально? – переспросил его Ворохватов.

– В каком смысле?

– В смысле цвета моего лица! И всей остальной кожи!

Дирол внимательно изучил лицо старшего лейтенанта, с удовольствием отметив, что даже сквозь краску стали видны пятна, проступившие на его щеках.

– Все в порядке. Ну, может... немного румянец от волнения. Но это скорее хорошо, чем плохо.

– Румянец?! – взвыл Ворохватов и подбежал к зеркалу.

Оттуда на него глянуло нечто страшное, еще более малиновое от гнева. Он посмотрел на ладони, но и они были того же цвета и слегка мерцали. Тогда он схватил Дирола за руку и вытащил в кабинет. Ему уже было наплевать, сколько человек увидит его лицо. Теперь Ворохватов хотел только одного – понять, кто из них двоих сошел с ума.

– Здравия желаем, товарищ старший лейтенант! – грянули хором курсанты, вытянувшись во фрунт.

– Какого цвета у меня кожа? – спросил тот, пропустив приветствие мимо ушей.

– Обычного, – сообщил Веня, в то время как остальные старательно сдерживали смех.

– Какого обычного? – взревел тот. – Ты можешь русским языком сказать, какого она цвета?

– Белого. То есть не белого, конечно. Ну, телесного... или там какого еще цвета бывает кожа. Вот, как у курсанта Пешкодралова, – Веня указал на Леху.

Ворохватов внимательно рассмотрел румяньего Пешкодралова, особенно обращая внимание на его лицо и руки.

– Вот точно такого же? – задал он очередной тупой вопрос.

– Точно! – подтвердили хором все курсанты.

Старший лейтенант в изнеможении опустился на стул. Он уже не знал, кому верить, себе или окружающим, но в этот момент его взгляд упал на ведро и швабру, притулившиеся в уголке.

«Зося! – обрадовался он. – Вот кто мне все скажет!»

– З-зосенька! – ласково позвал он.

– Ага, уже заикается, – довольно прошептал Дирол на ухо Андрею Утконесову. Действительно, заикание было первым признаком того, что приколы удался.

– Зосенька, – продолжил Ворохватов, когда девушка появилась в кабинете, – скажи мне, пожалуйста, извини, конечно, за вопрос, но... В общем, к-к-какого цвета у меня к-к-кожа?

Пользуясь тем, что он отвернулся, все курсанты стали дружно подавать Зосе знаки, чтобы она ответила правильно. Каждый из них, кроме Феди, конечно, тыкал в свою физиономию.

– Как у курсантов.

– К-к-каких именно к-к-курсантов? – Ворохватов нервно глянул на Федю.

– Вон тех, например, – Зося указала на близнецов.

Ворохватов внимательно оглядел всех курсантов, которые уже справились с волнением и теперь преданно смотрели в глаза начальника отделения.

– Я болен, – решил он. – У меня жар и галлюцинации. Но почему же я тогда ничего не чувствую? Может, у меня теперь еще и нарушения осязания? Мои руки уже ничего не чувствуют? Они онемели? Ну вот, я уже брежу...

– Не волнуйтесь, Иван Арнольдович, – не выдержала Зося. – Это пройдет, это ненадолго. Выпейте таблеточку и прилягте на кушетку. Я позвоню вашей жене.

Она сунула ему в руку стакан с водой и заставила выпить пару таблеток.

– В-в-вы на сегодня с-с-свободны, – Ворохватов махнул рукой курсантам. – Только ведите себя х-х-хорошо, не шалите. Завтра приходите в об-б-бычное время.

– Что ты ему дала? – спросил Веня, увидев, как стремительно засыпает старший лейтенант.

– Валерьянку, – пожала плечами Зося. – Бедняга слишком переволновался. А шампунь-то оказался некачественный, – она показала ему ладонь, которой шупала лоб Ворохватова, покрытую малиновыми пятнами, – так что я его умою, и все пройдет. Завтра ему покажется, что он видел страшный сон.

– А что, так даже лучше, – решил Дирол. – Главное, чтобы он хорошенько этот сон запомнил.

2

В коридорах Школы милиции было пусто. Большинство преподавателей отдыхали на подсобных участках, собирали клубнику, выращивали помидоры, огурцы и прочие садово-огородные изыски. На работу вышли лишь те, кто либо не имел огорода, либо по принципиальным соображениям не брал отпуск. К числу первых относился, например, Фрол Петрович Садюкин, отвечающий за физкультурную подготовку студентов.

Не так давно он расстался со своей любимой женой и переехал жить в общежитие. А вот капитан Мочиллов жил вне школы, однако каждый день являлся на работу за полчаса до начала занятий. Причем делал он это независимо от того, какое время года стояло на дворе. Отдыхать он не любил и не умел, считал это занятие совершенно бесполезным и подрывающим высокий моральный дух милиционера.

Сейчас, пользуясь тишиной и простором, преподаватели занимались любимыми делами. Капитан Мочиллов составлял учебный план для своей группы. За этим занятием он сгрыз уже два карандаша и начал третий. Пока план выходил неплохой, но не слишком насыщенный – оставалось слишком много свободного времени. Надеяться, что курсанты станут тратить это время на самоподготовку, было бессмысленно. А так как капитан не питал иллюзий по поводу ответственности своих подопечных, он старался составить максимально трудный, эффективный и контролируемый учебный план.

Фрол Петрович Садюкин также посвятил предобеденные часы любимому делу. Приемная кампания в Школу милиции уже почти началась, а экзамен по спортивной подготовке еще не был придуман. Исправлением этого Садюкин и занимался. Как преподаватель по физкультуре, именно он отвечал за этот экзамен, считавшийся по традиции самым сложным и завальным. Фрол Петрович вкладывал в него всю свою душу, фантазию и изобретательность. На беду абитуриентов, Садюкин отличался весьма специфическим воображением. Из года в год он выбирал разный способ проведения экзамена, но сутью его всегда оставалась переноска максимально возможного груза на максимально большое расстояние и по максимально пересеченной местности. Большинство абитуриентов отсеивалось перед началом экзамена, они просто забирали документы, когда узнавали, что же им предстоит сделать. Оставшиеся честно старались выполнить все задания, однако еще никому не удавалось сделать это. Тем не менее особенно старательные и упорные все же становились студентами.

Кроме них, в здании школы находилась еще повар тетя Клава, изобретавшая обед, и лейтенант Володя Смурной. До начала приемной кампании он был дежурным по школе и удивлялся, как его назначили на такую ответственную должность. На самом деле Владимир Эммануилович Смурной удивлялся многому, поскольку был еще юн и зелен. Всего год назад он был курсантом точно такой же Школы милиции, только располагавшейся на территории города Москвы. Окончив ее, Володя с радостью вырвался из-под родительской опеки и охотно согласился работать в Зюзюкинске. Этот городок казался ему идеалом свободной жизни. В будущем учебном году ему предстояло впервые курировать группу первокурсников, поэтому теперь лейтенант внимательно изучал личные дела всех абитуриентов и старался угадать, кто же из них попадет в его группу.

Итак, все преподаватели (и даже тетя Клава, которая преподавателем не была) пребывали в отличном настроении и, можно сказать, занимались творчеством. Воспользовавшись этим, курсанты пробрались в свою комнату и стали решать мировую проблему: как помочь Зосе поступить в школу.

– Теорию-то она выучит, а с Садюкиным как быть? – вздохнул Дирол.

– Садюкина оставим напоследок, – решил Веня. – Вероятно, здесь придется действовать другими методами. Пока нужно придумать, как спереть книги из школьной библиотеки.

– Пробраться ночью, выкрасть все, какие попадутся под руку. Все равно библиотекаря в отпуске.

– Блин, я и забыл, – расстроился Кулапудов. – А кто же нам тогда скажет, какие книги нужно брать?

– Можно спросить у Мочилова, он наверняка в курсе, какие вопросы будут на экзамене, – предложил Дирол.

– Ага, вот ты и пойдешь. Чтобы потом он точно знал, кто позаимствовал все учебники.

– А кстати, зачем их выносить? По-моему, гораздо проще перетащить сюда Зося.

– И где ты ее спрячешь? Под кроватью?

– Зачем под кроватью? В пустой комнате, вон их сейчас сколько, – нашелся Дирол.

– Ага, точно. Вот будет здорово, если туда кто-нибудь зайдет, пока мы на дежурстве. А там девушка посторонняя!

– Хватит вам ругаться! – прервал их Федя. – Давайте лучше думать. Нужно сделать так, чтобы она могла входить и выходить беспрепятственно, когда захочет.

– Единственный вариант – устроить ее сюда на работу.

– А что? Уборщицей, например! – обрадовался Федя.

– Ворохватов ее не отпустит. Он без нее как без рук, – мрачно сказал Веня.

– Ничего, теперь отпустит, – Дирол продемонстрировал свою голливудскую улыбку. – Надо только с Мочиловым поговорить. И это я беру на себя. Только вы должны мне помочь.

* * *

– Глеб Ефимович! – Дирол вежливо постучался в открытую дверь.

Мочиллов не отреагировал: увлеченный работой, он догрызал последний оставшийся карандаш и вошедшего курсанта не замечал. Работа вошла в завершающую стадию, учебный план наконец-то стал устраивать капитана. На четвертом курсе его группа должна учиться еще более интенсивно, чтобы овладеть большим количеством новых навыков и не растерять уже полученные знания. В то же время капитан понимал, что самое эффективное обучение – это обучение действием. Это Глеб Ефимович тоже предусмотрел. Он решил наладить связь своей группы с детской комнатой милиции, чтобы курсанты, присматривая за трудными подростками, постигали основы будущей профессии. Он с улыбкой представлял, как нахал Зубоскалин помучается, воспитывая этих ребят. Тогда-то уж его вечная дурацкая улыбочка наверняка сползет с лица.

Неожиданно что-то заставило капитана насторожиться.

Наверное, сработала выработанная годами милиционерская привычка – никогда не расслабляться. Мочиллов осмотрел комнату и увидел у входа того самого Зубоскалина, который только что занимал его мысли.

– Зубоскалин! – гаркнул он.

– Так точно! – щелкнул тот каблуками.

– Кто тебе разрешил войти?

– Дверь была открыта, Глеб Ефимович, вот я и вошел.

– Стучать вас, конечно, не учили? – поинтересовался Мочиллов.

– Я стучал, но вы были заняты работой и не ответили мне. Я воспринял ваше молчание как знак согласия, – так же бодро отрапортовал Дирол.

– Э-э-э, ну что ж, ладно. А почему вы не на работе? Кажется, ваша смена еще не закончилась?

– Совершенно верно, не закончилась. Однако за оперативно выполненное задание лейтенант Ворохватов поблагодарил нас и наградил двумя часами отдыха.

Услышав имя Ворохватова, капитан поморщился. Их связывала долгая и взаимная антипатия, которая обострялась каждый раз, когда старший лейтенант умудрялся присваивать себе лавры капитана и его убойной группы. Однажды это даже привело к повышению, в результате лейтенант Ворохватов и стал старшим лейтенантом. Однако Мочиллов считал это повышение незаслуженным и за глаза, а иногда и в глаза, частенько забывал о нем. Зная это, Дирол решил немного польстить капитану и понизил Ворохватова в звании.

– Старший лейтенант, – для порядка поправил его Мочиллов. – Только подождите... Ворохватов отпустил вас на два часа раньше? И поблагодарил?

– Если быть точным, на два часа и четырнадцать минут. Сказал «спасибо», по-моему, это называется «поблагодарил».

– А это точно был он? – поинтересовался капитан. – Ты не перепутал, Зубоскалин?

– Совершенно уверен. Мои слова могут подтвердить другие курсанты: Утконесовы, Ганга, Кулапудов, Пешкодралов. Знаете, Глеб Ефимович, – Дирол понизил голос, – в последнее время лейтенант Ворохватов сильно изменился.

– Да что вы говорите? – изумился капитан. – И что же послужило причиной этого?

– Не имею понятия! – отчеканил Дирол и снова вытянулся.

– Значит, не имеешь? – усомнился капитан. – Я, безусловно, этому не верю, ну да ладно. Будем пока считать, что вы все тут совершенно ни при чем. Так ведь?

– Совершенно ни при чем!

– Вот и славно. Так зачем ты ко мне явился?

– По поводу оздоровления внутренней атмосферы родной школы.

– Хочешь попросить в штат психолога?

– В другом смысле, Глеб Ефимович! Сейчас приемная кампания началась, а школьная уборщица в отпуске. В коридорах грязно, пыль, окурки. Нам стыдно за нашу школу!

– Это хорошо, – кивнул Мочиллов, – что тебе стыдно. Так что же ты предлагаешь?

– Нужно уборщицу взять на работу.

– Так это не ко мне, Зубоскалин, это к лейтенанту Смурному. Он у нас дежурный. Вот если бы вы сами решили убираться, тогда я бы тебя выслушал.

Последнюю фразу Дирол пропустил мимо ушей, так как знал, что если продолжить разговор на эту тему, то убираться скорее всего придется.

– Да я хотел, только вы же знаете лейтенанта. Он беспокоится за школьный бюджет, поэтому наверняка откажет. А уборщица в школе нужна, такая грязь вокруг. Может, вы на него повлияете своим авторитетом?

– Интересно, и как, по твоему мнению, мой авторитет поможет найти деньги на оплату труда уборщицы?

– Да ведь это не так много, – сообщил Дирол, – а грязь обязательно нужно убирать из коридоров.

Он очень старательно намекал на то, что коридоры загажены, но Мочиллов почему-то не обращал на это внимания. Санек уже потерял надежду, когда капитан вдруг сконцентрировался на слове «грязь».

– А почему ты говоришь, что у нас грязно? Когда я в последний раз шел по коридору, там было достаточно чисто.

– Так это когда было! – обрадовался Дирол. – Сейчас уже почти обед! Вот пойдемте посмотрим!

Когда они вышли в коридор, их взглядам предстала страшная картина. По всему полу были разбросаны окурки, смятые бумажки и огрызки от яблок. При этом урны, расставленные по углам, были пустыми. Создавалось такое впечатление, будто люди, проходившие по коридору, были все как на подбор косоглазыми и, бросая мусор в урны, с завидным постоянством

туда не попадали. От увиденного глаза у капитана Мочилова полезли на лоб, а кровь бросилась в лицо. Он медленно осмотрел все, а потом взглянул на Диролу.

– Что это такое?

– Я же говорю, абитуриенты, – сочувственно объяснил тот.

– Немедленно к дежурному!

Когда Дирол и Мочиллов вошли в кабинет Смурного, тот как раз изучал очередное личное дело абитуриента. На этот раз дело принадлежало девушке, судя по фотографии, довольно симпатичной. Увидев посторонних, Смурной страшно засмутился, покраснел и, захлопнув дело, постарался спрятать его в стол. Лейтенант полагал, что изучать личные дела запрещено, и позволял себе такое исключительно потому, что почти никого из высшего офицерского состава в школе не было. «Нужно же познакомиться с будущими курсантами», – оправдывал он себя. Эту же фразу он выдал из себя в ответ на приветствие капитана и потупил глаза.

– Владимир э-э-э... – не обращая внимания на мимические манипуляции лейтенанта, начал Мочиллов.

– Эммануилович, – еще больше краснея, подсказал Смурной.

– Да. Нам срочно нужна уборщица.

Смурной кивнул, по привычке ожидая дальнейших распоряжений. Когда таковых не последовало, он понял, что дальше ему придется распоряжаться самому.

– Дать объявление в газету?

– Вообще-то, – вступил в разговор Зубоскалин, – это будет очень долго. Есть способ и побыстрее.

Дождавшись кивка Мочилова, означавшего разрешение продолжать, Дирол сказал:

– В отделении Ворохвотова уборщицей работает девушка, которая наверняка согласится перейти к нам, в Школу милиции.

– Девушка? – засомневался капитан. – А не будет ли она подрывать моральный дух курсантов?

– Так ведь это только на один месяц, пока не закончится отпуск у обычной уборщицы. Зоя приехала сюда поступать, и у нее как раз есть только месяц.

– Поступать? А куда? – поинтересовался Смурной.

– Э-э-э, кажется, в театральное училище, – не моргнув глазом, соврал Санек.

Впрочем, он не так уж и сильно соврал. Ведь Зоя приехала в Зюзюкинск чтобы действительно поступать в театральный вуз, но провалилась и осталась ждать следующего лета. Познакомившись с группой курсантов, она помогла им в раскрытии особо важного преступления, после чего ее мечты изменились. Теперь Зоя очень хотела поступить в Школу милиции, однако ни Мочиллов, ни Смурной не должны были этого знать, по крайней мере пока.

– Какое интересное имя – Зоя, – задумался лейтенант. – Где-то я его уже слышал.

Не удивительно, что это пришло ему в голову. Ведь дело, которое он рассматривал всего пять минут назад, было именно Зосиным. Дирол быстро понял это и похолодел. Нужно было срочно что-то предпринимать, пока Смурной не вспомнил. Он применил старый проверенный метод: шагнул вперед, задел ножку стула и опрокинул его, чем немедленно привлек внимание к своей персоне.

– Зубоскалин! Ходить не умеешь? Надо намекнуть Фролу Петровичу, чтобы позанимался с тобой дополнительно, а то что-то у тебя с координацией движений неладно.

– Никак нет, Глеб Ефимович, ходить умею. Виноват, исправлюсь, – тут же откликнулся Дирол, показав в улыбке все тридцать два зуба.

Его старание и бодрый тон порадовали Мочилова. «Вот надо же, умеет, когда хочет», – порадовался он.

– В наше опасное время, когда почва уходит из-под ног, именно милиционер должен твердо держаться на своих двоих. Ты это понимаешь, Зубоскалин?

– Так точно!

– Но если она работает в отделении у старшего лейтенанта Ворохватова, то как же мы уговорим ее перейти к нам? – засомневался Смурной.

– Не волнуйтесь, уговорим, – авторитетно заявил Мочиллов. Ради возможности одержать верх над соперником он решился даже пренебречь работой.

* * *

После визита капитана Мочилова Ворохватов остался без уборщицы, а кроме этого, потерял последние остатки уверенности в себе. Капитан ушел довольным, убедившись, что старший лейтенант опять заикается, краснеет по поводу и без повода, не перебивает и вообще ведет себя крайне прилично. Старший лейтенант почти беспрекословно согласился остаться без Зоси, признал, что мытье полов является необходимой и обязательной ежедневной процедурой для каждого начальника отделения, согласился с необходимостью экономить деньги с тем, чтобы потом вложить их в покупку необходимых для лаборатории реактивов.

Дирол поприсутствовал во время общения капитана с Ворохватовым, получил от этого несказанное удовольствие и немедленно помчался в школу сообщать радостную новость ребятам.

Ребята восприняли новость крайне спокойно, без каких-либо эмоций. Они, не вставая с коек, выслушали Диролу, потом закрыли глаза и вернулись в то бессознательное состояние, в котором пребывали до сих пор. Из общей группы выделялся только Федя, который с приходом Диролы отложил книжку, а потом даже поздравил его с успешно проведенной операцией.

– Эй, вы что? – Санек дернул за плечо сначала одного, а потом другого Утконесова. Как и положено близнецам, они отреагировали одинаково – не отвечая, перевернулись на другой бок.

– Они обкурились, – объяснил Федя, сияя белозубой улыбкой.

– Чего обкурились?

– Петра, – Федя указал ему на пакет, валяющийся на полу. При ближайшем рассмотрении пакет оказался набит пустыми пачками из-под сигарет марки «Петр Первый».

– А ты?

– А я не курю, я яблоки ел, – объяснил Федя.

Теперь Диролу все стало совершенно понятно. Уходя к Мочилле, он дал своим сокурсникам важное поручение. Они должны были тщательно замусорить коридор, ведущий от кабинета Мочилова к комнате, где располагался дежурный по школе. К этому заданию ребята подошли со всей ответственностью, вытащили из тумбочек заначки, купили побольше сигарет, а потом занялись производством окурков. К тому времени, когда Веня догадался, что часть сигареты можно отрывать и выкидывать, чтобы не выкуривать всю, они уже основательно надышались дымом. Когда запас подошел к концу, курсанты уже дошли до состояния нирваны, поэтому разбрасывать окурки пришлось Феде, который не курил, а старательно жевал яблоки, превращая их в огрызки, и мял ненужные бумажки.

– И что теперь с ними делать?

– Да ничего, они полежат немного и придут в себя. Я видел по телевизору.

– Понятно. Слушай, надо их накрыть, а то вдруг кто-нибудь зайдет.

Через две минуты комната номер тринадцать стала напоминать городской морг, с той лишь небольшой разницей, что тела, накрытые простынями, были живыми. Дирол и Федя ушли, решив побыстрее сообщить Зосе приятную новость. И надо же такому случиться, что именно в этот момент в комнату зашла тетя Клава. Зашла она, чтобы сообщить, что обед готов. Обычно обитателей комнаты кормили немного позже, когда они возвращались с дежурства в отделение. Узнав от капитана Мочилова, что курсанты вернулись раньше, она решила покормить их вместе с остальными.

– Обед готов! – крикнула она еще из коридора, но не услышала ни воплей радости, ни шума, свидетельствующего о том, что курсанты собираются в столовую. Тогда тетя Клава решила зайти, чтобы узнать причину такой тишины.

Сначала обстановка не произвела на нее особенного впечатления. Но потом, когда она рассмотрела кровати и поняла, что на них лежит, из ее уст вырвался сдавленный крик.

«Не может быть! – подумала повариха. – Неужели они все умерли?»

Посчитав тела, накрытые простынями, она ужаснулась, однако заметила, что две койки свободны, а значит, кто-то еще остался в живых. В душе тети Клавы тут же проснулась надежда на то, что ее любимец все же избежал печальной участи. Поэтому она решила набраться духу и осмотреть все тела.

Надо сказать, что любимцем поварихи был Зубоскалин, который напоминал ей ее любимого мужчину Агафона, бесследно исчезнувшего много лет назад. Из-за этого тетя Клава питала к Диролу платоническую привязанность, вздыхала при встрече и всегда подкладывала ему кусочки повкуснее. И теперь ей стало дурно от одной мысли, что юного мальчика постигла страшная участь. Бедная, бедная женщина. Если бы она знала, что Дирол сейчас спокойно идет по улице рядом со своим однокурсником, то не стала бы осматривать комнату, а сразу обратилась бы к начальству. Однако она этого не знала, а потому подошла к ближайшей койке и заглянула под простыню.

На верхней койке лежал Леха Пешкодралов. Несчастный Пешкодралов! А ведь тетя Клава помнила его еще живым. Конечно, ведь он всегда был самым скромным, так беспресловенно съедал все, что она готовила, и иногда даже требовал добавки. А вместо этого частенько получал половником по протянутым рукам! Знай она тогда, как мало осталось мальчику жить на свете, никогда бы...

На нижнем ярусе, прямо под Лехой, лежал Веня Кулапудов, его тетя Клава тоже узнала. Веня обычно приходил в столовую первым и всегда просил зачерпнуть поглубже, чтобы достать гущу со дна кастрюли. И иногда, когда тетя Клава пребывала в благодушном настроении, он эту самую гущу даже получал. Ах, если бы она только знала вчера, что всего через сутки найдет беднягу мертвым, то положила бы ему даже кусочек мяса, один из трех, плававших в кастрюле щей.

А оставшиеся кусочки она, наверное, отдала бы близнецам. Найдя одного из них на верхнем ярусе, тетя Клава посмотрела на нижний и обнаружила второго. Конечно, она помнила близнецов. На раздаче обеда она всегда подозревала их в попытке незаконно получить дополнительную порцию, обругивала и выгоняла. Нет, если бы она тогда знала, то, конечно, не стала бы называть их обормотами и... ну и другими словами тоже. Никогда ей больше не увидеть их одинаковые рожицы.

В том, что все осмотренные ею курсанты действительно мертвы, у тети Клавы не возникло никаких сомнений. А если и возникло, то бледные лица и синие круги под глазами убедили ее окончательно. Глаза тети Клавы застилали слезы, которые мешали ей разглядеть все остальное. Вытирая глаза краем фартука, она пошла к двери, чтобы все же вызвать кого-нибудь из начальства. И, уже выходя, обернулась и бросила последний взгляд на мрачную комнату. Не стоило ей этого делать, ну совершенно не стоило! Потому что именно в этот момент курсанты начали приходить в себя и зашевелились.

То, что дальше наблюдала тетя Клава, от ужаса потерявшая способность двигаться, было похоже на кадры американского триллера. Один за другим покойники зашевелились, стали поднимать руки и ноги. Неожиданно один, самый ближайший к тете Клаве, бывший когда-то Лехой Пешкодраловым, сел на койке, а потом попытался встать. Простыня, которой он все еще был накрыт, помешала разглядеть, что он находится на верхней койке. Сам Леха пока еще не слишком хорошо понимал, где он находится, а потому неожиданное падение вызвало в

нем целую бурю эмоций. Лехины начинания были поддержаны тетей Клавой, которая не менее пронзительно крикнула и тоже рухнула на пол.

Этот крик не привлек никого, однако пробудил остальных, еще не пришедших в себя курсантов. Некоторое время они старательно скидывали с себя простыни, пока наконец не смогли увидеть окружающий мир. Этот мир показался им совершенно неуютным. Станный запах сигаретного дыма и яблок еще витал в комнате, кроме того, слух резали истерические вскрики тети Клавы.

Первым сориентировался Веня. Очнувшись, он сумел быстро понять, что на полу валяется Леха, и обойти его. Потом Кулапудов подошел к тете Клаве и попытался привести ее в чувство посредством легкого похлопывания по щекам. Когда его старания почти увенчались успехом, женщина открыла глаза, увидела склонившееся Венино лицо и снова потеряла сознание.

– Со мной что-то не так? – спросил он у подошедших близнецов.

Те критическим взглядом осмотрели товарища.

– Пожалуй, стоит немного причесаться, – глубокомысленно изрек Антон.

Когда тетя Клава снова открыла глаза, перед ней предстали четверо курсантов, причесанные, молчащие и без простыней. Она внимательно осмотрела каждого, потом поднялась на ноги. Вытащив из кармана крошечное зеркальце, она поправила прическу.

– Похоже, голову ушибла, – с отрешенным видом сказала она.

Дело в том, что тетя Клава сочла курсантов галлюцинацией, возникшей вследствие либо перенесенного стресса, либо ушибленного затылка. Но тут взгляд ее упал на пустовавшие койки, и женщина поняла, что это не обман зрения. Курсанты действительно встали с коек, несмотря на то что были мертвы. «Зомби!» – решила тетя Клава и начала бочком пробираться к выходу. Из фильмов она знала, что зомби не всегда бывают агрессивными и если вовремя убраться с их пути, то можно избежать опасности. На всякий случай женщина прихватила с одной из коек подушку.

Опасливо косясь на курсантов, она уже почти дошла до двери, когда Леха решил прояснить причину столь странного поведения поварихи. Он шагнул к ней и сказал:

– Тетя Клава, с вами все в порядке?

Та, не ожидая, что зомби еще и разговаривают, от испуга выронила подушку. Лишившись своего единственного оружия, она изо всех сил двинула Леху кулаком между глаз и, воспользовавшись заминкой, скрылась.

– Ничего себе тетя Клава, – бормотал Пешкодралов, потирая переносицу. – Хорошо хоть она мне нос не сломала.

– Тебе ломаешь, – усмехнулся Веня. – Но все же интересно, что это с ней случилось.

– Наверное, она нас испугалась, – глубокомысленно изрек Леха.

– Почему ты так решил? Может, она занимается борьбой, а на нас практикуется? – возразил ему Андрей.

– Нашла на ком практиковаться. А если бы Леха ей в обратную врезал?

– Да что ж я, совсем идиот? – удивился Пешкодралов.

– Ну-у-у, – задумался Антон, – может, и не совсем еще. Все-таки ты ее не ударил, – оправдался он, увидев, что Леха начинает сердиться.

– Ладно, а где остальные? – спросил Веня.

– И интересно, получилось ли у Дирола. Я совсем ничего не помню, – признался Антон.

– И я тоже, – поддакнул ему брат. – Помню только дым перед глазами.

– Дым и сейчас бы у вас висел, если бы я форточку не открыл, – услышали они за спиной.

В комнату вошел улыбающийся Федя. – Вы обкурились до полного бесчувствия, а тут такой дым стоял, хоть топор вешай.

– А где Дирол?

– Пошел Зосю оформлять на работу. Ворохватов согласился моментально, Мочила его убедил.

– Ур-ра!

Итак, первая часть работы была сделана. Зосю пристроили, и ее будущее на некоторое время определилось. В течение дня ей нужно только поддерживать чистоту в школе, а в свободное время можно штудировать книги из библиотеки, которые сотрудникам школы можно брать беспрепятственно.

3

Когда курсанты пришли на ужин, то не узнали столовую. На стенах висели праздничные гирлянды, которые и к Новому году-то не всегда вешали. С потолка свисала какая-то мишура. В центре обеденного зала стоял капитан Мочиллов в парадной форме.

– Похоже, у тети Клавды все же съехала крыша, – пробормотал Антон Утконесов.

Меню, висевшее на стене, было раскрашено красным фломастером, по краям пририсованы завитушки. Переглянувшись, курсанты изучили меню.

– Ну вот, хотя бы тут все нормально, – обрадовался Леха.

– Ну-у-у, скучно. Я бы хотел лягушачьи лапки под соусом из спаржи и устрицы, – размечтался Антон.

– Или бефстроганов с грибами, – поддержал его Андрей. – И клубнику со сливками.

– По-моему, это у вас крыша съехала, – сообщил им Федя. – Лягушек есть, если голодный, это еще ладно, но кто такой Бефстроганов?

– Это не кто, а что! – объяснил ему Антон. – Это блюдо такое из мяса. Нам бабушка рассказывала. Она у нас гурман. Тебе бы с ней познакомиться, сразу бы все выучил.

– Если ваша бабушка ест лягушек, то я с ней знакомиться не хочу, – заявил Федя.

В это время подошла их очередь, угрюмая тетя Клава, не глядя, бросила им на тарелки по порции макарон и по паре небольших голубцов.

– По-твоему, это лучше? – поинтересовался Антон, кисло рассматривая тарелку, и пошел к общему столу.

Как обычно, все начали с голубцов. Правило «оставлять самое вкусное на потом» в школе не работало, так как «самое вкусное» в любой момент могли стащить. А голубцы в сравнении с макаронами действительно были вкусными. Даже несмотря на то, что мяса в них было совсем чуть-чуть, да и то не везде его можно было отыскать под слоями капустных листьев.

Пешкодралов расправился с голубцами быстро и собрался уже приступить к макаронам, когда его тарелкой заинтересовался Дирол.

– М-м-м, макароны по-испански! – сообщил он, разглядывая порцию Лехи.

– Обычные макароны, – пробормотал тот, отправив в рот первую порцию.

– А теперь – по-испански, – ответил Дирол, взяв перечницу и перевернув ее над Лехиной тарелкой. Крышка ее отвалилась, и весь перец, содержащийся внутри, высыпался на макароны. Несмотря на то что экономная тетя Клава заполнила перечницу едва ли на четверть, все же для одного человека этого было многовато. Что и подтвердил Леха, отважившийся все же попробовать это блюдо.

– Иди к тете Клаве за добавкой, – напутствовал его Дирол. Затеять драку при Мочиллове Леха не решился и покорно поплелся за добавкой, прихватив в качестве вещественного доказательства и тарелку с переперченными макаронами. Однако на полпути его остановил зычный голос капитана.

– Курсанты! – Он посмотрел на тех немногих, кто присутствовал в столовой. – И коллеги! – Он бросил взгляд на столик, где скромно сидел Смурной. – Сегодня, как многие из вас уже обратили внимание, в нашей знаменитой Школе милиции, которая известна на всю страну и скоро будет уже известна и на весь мир... – Тут он на секунточку замолчал, вспомнил, с чего начал речь, и продолжил: – Сегодня у нас праздник! Наша школа выиграла всероссийский конкурс на лучшую Школу милиции и получила необычайно важный и нужный в наше тяжелое время приз. Большую премию!

Это сообщение было встречено рукоплесканиями, шумом и свистом. Каждый курсант уже начал представлять, что можно сделать в школе интересного и полезного. Кинозал, напри-

мер, или бассейн. Однако все мечты были безжалостно разрушены продолжением речи Мочилова.

– Конечно же, все вы согласитесь, что эти деньги нужно вложить в то, что сделает нашу школу еще современнее, еще удобнее и повысит качество процесса обучения. Есть только одна-единственная вещь, которой нам не хватает. Это радиоузел!

Мертвая тишина, которая последовала сразу за этой информацией, несколько озадачила капитана, но не сбила его с толку.

– Мы уже закупили все необходимое оборудование и выделили помещение для техники. Завтра рано утром мы проложим провода и оснастим все кабинеты динамиками!

– И по этому поводу такой праздник! – грустно сказал Веня, потеряв интерес к словам капитана и вернувшись к еде.

– Я думал, по меньшей мере компьютерный класс с Интернетом купили, – поддакнул ему Федя. – А тут какой-то радиоузел. Скучно!

Им бы мог возразить Леха Пешкодралов, который всю свою сознательную юность мечтал заниматься в радиокружке и быть радистом. Он не стал воплощать эту мечту в жизнь только потому, что милиционеров в его родной Дрыщевке уважали больше, чем радистов. Но Леха ничего не возразил, поскольку не присутствовал за столом. Выслушав речь Мочилова и порадовавшись, он направился к тете Клаве за макаронами.

– Мне бы другую порцию! – вежливо попросил он, показывая тарелку, засыпанную перцем, и привычно уворачиваясь от половника.

– Вот еще, порядочные люди первую не съели, а этот уже вторую просит! Завтраком тебя, что ли, не кормили, – ворчливо сказала тетя Клава, не поднимая на него глаз.

– Просто у меня первая порция испортилась, – сообщил Леха и подsunул тарелку поварихе под нос. Той поневоле пришлось посмотреть сначала на тарелку, а потом и на ее предьявителя.

– Да кто же такое сде... – начала она и замолчала, увидев Леху и узнав в нем того самого зомби, которого не так давно видела в комнате курсантов.

Перекрестившись, тетя Клава вспомнила все словечки, которыми можно отпугнуть нечистого, и быстро сообщила их Лехе. Однако тот не пропал, а продолжал стоять и вопросительно смотреть на тетю Клаву. Та несколько расстроилась, а потом и вообще обиделась на некачественного зомби.

– Ты это почему не пропадаешь? – грозно спросила она.

– Я не умею, – пожал плечами Леха.

– А что тут уметь? Падаешь на пол и лежишь.

– А макароны вы мне дадите?

– Конечно, конечно, еще и голубцов добавлю, если остались, – пообещала тетя Клава.

Падать было больно, но есть хотелось, поэтому Леха решился, поставил тарелку на стол, зажмурил глаза и упал. Однако, упав, он пропал из поля зрения тети Клавы, которая сразу же успокоилась и продолжила заниматься своими делами. Пролежав минуты три, Леха почувствовал неладное. По идее, повариха уже давно должна была положить ему и макарон, и голубцов. Решив, что пора подниматься, Леха снова предстал перед очами тети Клавы.

– Опять ты! – уже почти не удивляясь, воскликнула повариха. – Преследуешь меня, что ли?

– Я голодный, – пожаловался Леха. – Дайте макарон, и больше не буду преследовать.

– Голодный? Ты не мертвый, что ли? – поняла наконец тетя Клава.

– Пока еще нет, – пожал плечами Леха.

Обрадованная этой новостью, тетя Клава наложила ему полную тарелку макарон, правда, голубцов так и не дала. Когда Леха ушел, она еще долго смотрела ему вслед, соображая, почудилось ли ей все, что было давеча в комнате, или же курсант действительно воскрес из мертвых.

– Интересно, а кто там будет работать? – поинтересовался Леха, присаживаясь за стол.

В это время среди курсантов шла горячая дискуссия о том, куда можно было потратить выигранные деньги, как раз обсуждалась идея ночного клуба со стриптизом. Леха, конечно, имел в виду радиоузел, но курсанты этого не поняли.

– Как это кто? Девушки симпатичные, с хорошей фигуркой, – ответил Дирол.

– А зачем? – удивился Леха. – Я, конечно, понимаю, у девушек голос приятнее, но какая разница, симпатичная она или нет. Это же не слышно.

– Зато видно!

– Надо тоже туда попроситься. В свободное от занятий время я бы поработал, – деловито проговорил Леха.

От этого Лехиного сообщения все парни просто онемели. На миг каждый представил себе Пешкодралова, танцующего стриптиз. От такого зрелища не хотелось даже смеяться, настолько нелепо это выглядело.

– А ты уверен, что получится? – осторожно поинтересовался Антон.

– Должно! Я об этом знаешь сколько мечтал? У нас в деревне все обзавидуются.

– Seriously? А ты и их позови, чтобы на тебя посмотрели, а может, кто и компанию тебе составит.

– Да ладно, – отмахнулся Леха. – Их все равно не возьмут.

– А по-моему, это будет забавно, – включился в разговор Веня. – Целый колхоз, танцующий стриптиз. Такое кантри-шоу с коровами.

– При чем здесь стриптиз? – Леха посмотрел на товарищев и понял, что вклинился в весьма интересный разговор. – Я-то радиоузел имел в виду. Очень хочу радистом работать.

Ответом ему был дружный хохот, такой, что даже Мочиллов посмотрел в их сторону.

– Зря надеешься, – сквозь смех сказал Дирол. – Мочиллов туда наверняка никого не допустит. Вот увидишь, первое сообщение он сделает лично...

* * *

Как в воду глядел Дирол. На следующее утро они были разбужены знакомым голосом, исходившим неизвестно откуда:

– П-а-адъем!

По привычке вскочив, парни начали старательно запихивать руки в рукава, а ноги – в штанины и, только одевшись, обнаружили, что Мочилова в комнате нет.

– Показалось, что ли? – озадаченно спросил Федя, но, оглядевшись и увидев, что товарищи, так же, как и он, повскакивали с коек и одеваются, понял – не показалось. Оказывается, за ночь, пока курсанты спали беспробудным сном, неутомимый капитан самостоятельно установил в их комнате динамик. Именно из него теперь и доносился знакомый голос:

– В учительскую шагом марш!

Зная, что Мочиллов не любит опаздывающих, курсанты опрометью кинулись по указанному адресу, застегивая все то, что еще не было застегнуто. В этом они так преуспели, что, когда попали в учительскую, она еще пустовала. Правда, капитан появился там через секунду. Он был неузнаваем. Бессонная ли ночь так подействовала или еще что, но на лице Мочилова сияла широченная улыбка, не уступающая фирменной дирижёрской.

– Нашей школе оказана высокая честь! – торжественно объявил он, внимательно рассматривая курсантов.

Те немедленно изобразили на своих лицах восторг. Нет, они вовсе не были подхалимами или подлизами и улыбались не потому, что хотели угодить Мочилову. Просто инстинкт самосохранения подсказывал им наилучшую манеру поведения в данной ситуации.

– Чтобы защитить ее, вы должны приложить все усилия, на какие только способны. Надеюсь, вы не считаете, что вы самые лучшие, или самые способные, или еще что-нибудь в этом роде?

Все дружно замотали головами. Утвердительный ответ на этот вопрос был чреват немедленной контрольной работой или дополнительными летними занятиями. Хотя капитан и знал, что его группа лучшая в школе, но не желал, чтобы курсанты так считали. А они, в свою очередь, старательно поддерживали его в этом мнении.

– Вот и отлично, – одобрительно заметил Мочиллов. – Нам предстоит небольшая поездка. Во время нее нам, то есть вам, придется не только выполнять служебные задания, но и представлять наше учебное заведение. Надеюсь, что с этой почетной миссией, которой вы, конечно, не заслуживаете, но за неимением лучшего все же на нее назначены, и теперь вам придется сделать то, на что вы даже не способны, чтобы не посрамить честь школы! – пафосно завершил речь капитан, потом задумался и добавил: – А с чего я начал?

– С почетной миссии, – подсказал Федя.

– Ну да. Надеюсь, что с этой почетной миссией вы справитесь. Не забудьте, что это не просто выездное задание, это отличная реклама нашей школе. От того, как вы сработаете, зависит, какие абитуриенты придут к нам уже через несколько недель. Утконесовы, если не ошибаюсь, вы живете в Калошине?

– Так точно! – хором ответили близнецы.

– Вот и отлично! Тогда вам будет проще приспособиться к обстановке задания. Мы едем в Калошин! Вопросы есть?

– Э-э-э, – замаялся Антон Утконесов. – Полагаю, нам нельзя будет увидеться с родственниками?

– Думаю, вы будете заняты целый день, – ответил капитан. – Но если очень захотите, то я смогу отпустить вас на несколько часов. По очереди.

– Не думаю, что мы очень захотим, Глеб Ефимович, – объяснил Андрей. – Мы сюда сбежали, и, наверное, наши родители немного на нас сердятся.

– Сбежали из дома? – удивился Мочиллов.

– Ну да, этим летом. Там такая скука, вы не представляете. Делать совершенно нечего. То ли дело в родной школе!

– И что, до сих пор дома никто не знает, где вы? – капитан грозно нахмурил брови.

– Да нет, нас уже нашли.

Мочиллов сразу успокоился. Нарушения дисциплины он не приветствовал, но ведь курсанты сбежали из дома во время законных каникул для того, чтобы учиться. Это совершенно меняло дело. В сердце капитана шевельнулось что-то похожее на нежность.

– Конфликтовать с родителями все же не нужно, – отеческим тоном произнес он. – Но я рад, что вам так нравится здесь. Именно из таких ребят и вырастают потом самые лучшие милиционеры. Помню, я тоже... – Мочиллов мечтательно закатил глаза.

Но увлекаться воспоминаниями капитан все же не стал. На задание нужно было выехать уже сегодня, а ведь еще ничего не было организовано. Поэтому Мочиллов прервался на полуслове.

– Еще вопросы есть?

– В чем суть задания? – поинтересовался Дирол.

– Суть задания, курсант Зубоскалин, мы узнаем на месте. Предположительно, это как-то связано с проходящим в городе мероприятием российского масштаба.

– Когда выезжаем?

– Сегодня. Вечером нужно уже быть на месте для ознакомления с обстановкой. Еще вопросы?

– Видимо, нам нужно быстро собираться, – глубокомысленно изрек Веня. – Разрешите идти?

– Вот самый здравый вопрос за сегодняшнее утро, – похвалил его Мочиллов. – Разрешаю. У вас два часа на сборы. Да, и не забудьте позавтракать.

Последнее напоминание было излишним. Уж что-что, а поесть курсанты не забывали никогда. Вот и теперь они быстро покидали в себя все то, что положила им в тарелки тетя Клава, и отправились собираться.

* * *

Два часа, если задуматься, это огромный промежуток времени. Человеческое сердце успевает за это время сократиться восемь тысяч шестьсот сорок раз. Англичанин Дин Гулд за это время смог три тысячи четыреста семьдесят один раз продеть хлопковую нить в игольное ушко, а на обычном автомобиле за два часа можно проехать до шестисот с лишним километров. Наши курсанты, конечно, не занесены в Книгу рекордов Гиннесса, но тоже кое-что могут. Через десять минут после возвращения в комнату все вещи уже были собраны, уложены и запакованы.

– Теперь нужно выяснить, зачем нас туда посылают. Предлагаю купить калошинскую газету и прочитать, что там творится.

Предложение поддержали, и Федя отправился в киоск за газетой. Остальные прорабатывали другие версии.

– А пусть близнецы позвонят домой и узнают, что там у них творится, – предложил Леха.

– А за межгород кто будет платить? – поинтересовался Веня.

– Вы бы сначала нас спросили. Мы, может, вообще не согласны звонить. – Братья переглянулись, и Антон высказал общее мнение: – Нарываться неохота.

– Да ладно, вы же за тридевять земель оттуда. Да и предков порадуете. Нет, идея хорошая, если придумаем, где взять деньги на разговор. – Веня сунул руку в карман, вытащил оттуда единственную десятирублевую бумажку, оглядел ее и разочарованно вздохнул: – Извините, парни, мне еще Зосю мороженым кормить.

– Половины тебе вполне хватит на мороженое, ну, если в вафельном стаканчике, – вцепился в бумажку Дирол.

– Он ведь не может кормить мороженым только девушку, забыв про себя, – вступились за Веню близнецы. Им очень не хотелось, чтобы деньги на разговор все же насобирали.

Однако, когда Леха вытащил из-под подушки еще несколько монет, стало ясно, что близнецам придется-таки звонить домой, а Вене – терпеливо кормить Зосю мороженым и при этом мужественно делать вид, что ему этого самого мороженого совсем не хочется.

– Да вы нашу маму не знаете! – Андрей хватался за последнюю соломинку. – Она сначала нас отругает, потом будет плакать и спрашивать, как мы живем и что мы едим, потом будет звать нас домой, потом еще что-нибудь говорить. И только минут через пятнадцать согласится ответить на наши вопросы, а потом воспользуется этим, чтобы завлечь нас обратно домой, по крайней мере напомнит, как нас любят и ждут. На это никаких денег не хватит.

– А я знаю, что мы сделаем, – нашелся Дирол. – Позвоним за счет школы. Это же для общего дела. Мочиллов наверняка звонил туда, чтобы договориться. Никто и не заметит, что междугородний разговор окажется на несколько минут больше.

– На несколько десятков минут, – поправил его Антон.

– Ну, это незначительно. Самое главное, чтобы никто не вошел в учительскую, пока мы будем разговаривать.

В полторы минуты все было решено. Леха, как самый неповоротливый, остался ждать Федю. Остальные курсанты рассредоточились по коридорам, чтобы вовремя предупредить о надвигающейся опасности. Братья Утконесовы расположились в учительской.

Сознавая, что в любой момент может появиться преподаватель, они старались говорить тихо. Зато мама их, обрадованная звонком блудных детей, кричала в трубку изо всех сил, так что ее голос, в отличие от близнецов, было слышно из коридора. Все шло по заранее предсказанному сценарию. Мама не хотела слышать никаких вопросов, требовала только ответы. Она и плакала, и смеялась, выражая полный букет эмоций. Она звала сыновей обратно домой, хотя бы на пару дней, она предлагала прислать им посылку с едой, хотела даже приехать в гости. Она не делала только одного – не отвечала на вопрос о том, что творится в их родном городе.

Внезапно в коридоре появился человек, явнодвигающийся в направлении, внушающем опасения. Человек сразу же был замечен бдительным Кулапудовым, выглядывавшим из-за угла. Он тихо добежал до следующего поворота, дал отмашку Диролу, дежурившему на перекрестке, и вновь перешел к наблюдению. Неизвестный тип за это время не изменил своих намерений и явно продолжал двигаться в комнату, где двое близнецов творили недозволенное, а именно разговаривали по междугородней связи.

На пути у типа остался еще один поворот – последняя надежда курсантов, потому что именно за него мог свернуть нежданный посетитель школьного коридора. Курсанты притаились уже у самой двери учительской, наблюдая из-за угла. Когда же человек невозмутимо прошел мимо поворота, стало ясно, что близнецы должны срочно эвакуироваться.

И вот тут-то и возникли самые большие затруднения. Антон был хоть и непослушным, но все же любящим сыном и просто так бросить трубку при разговоре с мамой не мог. Тем более что она опять завела разговор о его возвращении и даже начала театрально всхлипывать в трубку. Андрей, который изо всех сил старался оказать брату моральную поддержку, не хотел бросать его в трудную минуту, а потому также не мог покинуть учительскую. В итоге, когда опасная личность подошла к дверям учительской, все курсанты уже скрылись за ближайшим углом, а близнецы Утконесовы в учительской только-только повесили трубку и, услышав звук открывающейся двери, бросились под стол. Только вот незадача – под одним они никак поместиться не смогли, а потому Антону, как младшему, пришлось перебираться под соседний стол.

В комнату вошел преподаватель. Антон и Андрей пока не знали, кто это, но по звуку шагов поняли, что, по крайней мере, не Мочиллов.

«Неужели Садюкин?» – спросил Антон брата, покрутив пальцем у виска и напрягая бицепс.

В ответ Андрей покачал головой. Садюкин в учительской и в учебное-то время редко бывал, а тем более летом. Его среда обитания обычно ограничивалась спортзалом и школьным двором.

Антон осторожно выглянул из-за стола. Он смог увидеть ботинки, по которым давно плакала обувная щетка, темные носки и края обтрепанных форменных брюк.

Антон втянул голову обратно, показал брату один мизинец левой руки.

«Смурной!» – понял тот. Действительно, это был лейтенант Смурной, дежурный по школе. Ботинки он не чистил из принципа, так как терпеть не мог излишней аккуратности, которую ему старательно прививали дома. Исходя из того же принципа, лейтенант считал, что темные носки нужно как можно реже стирать, а старые брюки просто были удобнее. Лейтенант, конечно, понимал, что настоящий милиционер во всем должен быть аккуратным. На смотрах, конференциях, да и во время учебного года он следил за собой, чистил ботинки и крахмалил подворотнички. Но во время каникул, когда честь учебного заведения не могла пострадать из-за его внешнего вида, позволил себе расслабиться.

В данный момент он принес в учительскую личные дела абитуриентов, которые изучал в своем кабинете. Сунув их в шкаф, Смурной хотел было уже уйти, но тут его внимание при-

влекло расписание, оставленное на столе Мочиловым. Он наклонился, чтобы подробнее изучить его, и тут зазвонил телефон.

– Да? – поднял он трубку.

– Шестнадцать минут сорок секунд, – сообщил ему строгий женский голос.

– Какие шестнадцать минут? – не понял Смурной, но трубку уже повесили.

Лейтенант в раздумье оглядел комнату и вдруг увидел ботинок, торчащий из-под стола. Причем торчал ботинок так, что сразу было понятно: если посмотреть дальше, то можно в этом ботинке увидеть и ногу, а потом и остального человека.

Смурной сразу разволновался, что, впрочем, было ему свойственно. Больше всего его беспокоило, как обращаться к неизвестному, спрятавшемуся под столом. Наконец он тихонько подошел к ботинку и пнул его. Ботинок тут же спрятался, а через мгновение из-за стола показалась голова, а затем вылез весь человек, в котором лейтенант признал Андрея Утконесова. Однако, вспомнив, что у Андрея есть брат-близнец, лейтенант смутился еще больше. Как же его теперь называть, чтобы не спутать ненароком?

Заметив растерянность лейтенанта, Антон (а это был именно Антон, а не Андрей) решил ему помочь.

– Это точное время сообщают, – сказал он. – Есть такая телефонная служба.

Лейтенант, видимо, не понял, о чем идет речь, и тогда Антон кивнул на телефон. Лицо Смурного озарил свет прозрения. Он взглянул на наручные часы, стрелки на которых показывали сорок минут одиннадцатого.

– Неужели они так спешат? – удивился он и перевел часы на двадцать минут назад. – А что вы тут делаете? – спохватился он.

– Время узнаем.

– Я имею в виду, что вы делаете под столом?

– Ах, под столом! Шнурок мой искали.

– Нашли?

– Нашли, – кивнул Антон, в доказательство предъявив вытащенный из ботинка шнурок. – Андрей, вылезай, я нашел.

Немедленно из-под соседнего стола вылез точно такой же курсант.

«Ага, если тот Андрей, значит, этот Андрей вовсе не он, а на самом деле Антон. Беда с этими близнецами», – подумал Смурной, переводя взгляд с одного на другого. От этого замешательства, может быть, он и не обратил внимания на явную несвязанность их слов.

– Ну и хорошо, можете идти, – пробормотал он.

Предоставленным разрешением близнецы поспешили воспользоваться и немедленно исчезли. В комнату они вошли одновременно с Федей, который все-таки нашел газету, привезенную из соседнего города. Ее тут же разодрали на отдельные листы: каждый хотел первым узнать, ради какого же события им придется ехать в Калошин.

– Вот, будет суд над каким-то преступником! – обнаружил интересную новость Веня. – Сейчас, минутку, я прочитаю. Завтра начнется суд над государственным преступником, который пытался купить в Калошине партию оружия. Вот идиот! Ну не для охраны же нас привлекают? Это скучно... Хотя тут еще что-то интересное... Ага, вот. Сообщники его пока не найдены, хотя доподлинно известно, что они имелись. Причем его сообщники предположительно жители Калошина или одного из близлежащих городов!

– Преступничков, значит, ловить будем. А что, прикольно! – обрадовался Дирол.

– Наверное, они могут прийти на слушание дела. Там-то мы их и изловим!

– Ага, думаешь, они идиоты, чтобы на суд приходить, – возразил Феде Веня.

– А знаете, какая мне в голову идея пришла, – подключился к разговору Антон. – Может, это нас хотят выдать за его подельников. Наденут на нас наручники, посадят на скамью подсудимых и обвинительный приговор прочитают, а всем скажут, мол, поймали бандитов.

– Мама будет в восторге, когда увидит нас в наручниках, – мрачно поддакнул ему брат.
– А на фиг это нужно?

– Чтобы авторитет среди народа заполучить. Мол, преступника главного поймали, и сообщники тоже не ушли! Народ сразу милицию зауважает!

– Народ никогда милицию не зауважает, даже если она двадцать сообщников поймают. Тем более если они – жители того же Калошина, – возразил Веня.

– Вы как хотите, а я в наручниках сидеть не собираюсь, – заявил Леха. – Я лучше заранее смогаюсь.

– Куда?

– Да куда угодно, лишь бы подальше от Мочилы. Неохота сидеть в наручниках.

– Ха, от Мочилы сбежать! – усмехнулся Антон. – Да он тебя из-под земли достанет, если захочет.

Леха схватился за голову и побледнел. Не то чтобы он сильно боялся сидеть на скамье подсудимых. Но ведь на суде наверняка будут делать фотографии, которые потом напечатают в газете, а газета эта, вполне возможно, появится в родной деревне. Родители Лехи старались быть в курсе всех новостей, надеясь, что однажды в газете напишут и про их сына. Какой же позор ожидает их, когда на фотографии в газете Леха появится в качестве подсудимого. Впору уезжать из деревни навсегда.

– Что делать, парни, помогите! Это же позору не оберешься! Спрячьте меня! – завопил Пешкодралов.

– Может, тебе заболеть? – предложил Антон.

– А еще надежнее – что-нибудь сломать, – согласился с ним Андрей.

– Какую-нибудь стену? – удивился Леха.

– Какую-нибудь кость. Тогда тебя отправят не в Калошин, а в больницу.

– Причем просто руку или ногу ломать не стоит, – подключился к разговору Дирол. – С гипсом ты только колоритнее на скамье подсудимых будешь смотреться.

– Парни, а если мне челюсть сломать? – осенило Леху. – Тогда мне лицо забинтуют, и не видно будет.

– Гениально! Кто будет ломать?

Желающих безнаказанно двинуть Леху в челюсть набралось много. Собственно говоря, отказался принимать в этом участие только Федя по доброте душевной и врожденному неприятию рукоприкладства. Остальные уже разминали руки и примеривались. Бедняга Пешкодралов рассматривал свое лицо в зеркало, словно прощаясь. Но курсантам так и не удалось исполнить свои злостные намерения. От тяжелого увечья физиономии Леху спасло появление Зоси.

– Вы куда-то собрались? – поинтересовалась она, увидев сумки.

Пока Веня трагическим тоном рассказывал ей о смертельно опасном задании, о том, как грустно ему будет в далекой стране без любимой Зоси и как боится он за нее, остающуюся в полном преступников Зюзюкинске, девушка внимательно оглядывала курсантов. Она знала ребят уже довольно хорошо, и от ее внимательного взгляда не укрылись ухмылки близнецов, нарочито серьезная физиономия Дирола, а также отчаянный взгляд Лехи. Таких выразительных глаз она не видела давно.

– Кажется, у вас что-то происходит, – решительно прервала она излияния Кулапудова.

– Нет, что ты, – немедленно возразил Дирол. – Мы просто собираемся на время уехать.

– Все? – уточнила она.

– Ага, – кивнул тот, но в этот момент вмешался Леха:

– Да ладно, от Зоси, думаю, можно не скрываться. Я не еду.

– Почему?

– Потому что не хочу, чтобы меня сфотографировали в наручниках. Вся деревня будет смеяться над мамой и папой. Лучше я сломаю челюсть и отлежусь в госпитале.

– В каких еще наручниках? – удивилась Зося. – Вам придется носить наручники? И вас еще будут фотографировать? Веня, это что, такой эксперимент?

Тот оттащил Зося в сторонку и попытался объяснить ей, что поездка будет гораздо менее опасной, просто ребята разыгрывают Леху.

– А челюсть ему ломать они тоже будут в порядке розыгрыша?

– Никто ничего ломать не будет. Так, стукнут пару раз. В отместку за прошлые грехи, – успокаивал девушку Кулапудов.

Розыгрыши Зося любила, но этот, по ее мнению, был уж слишком жестоким. Она потребовала газету, внимательно изучила ее и быстро успокоила Леху.

– Во-первых, – сказала Зося, – для изображения пойманных преступников можно найти кого-нибудь посolidнее, нежели группа курсантов Школы милиции. Во-вторых, – добавила она, – этих людей можно найти и в Калошине, незачем звонить в Зюзюкинск.

И вообще, наиболее интересное событие, упомянутое в газете, это отборочный тур чемпионата России по бодибилдингу, а вовсе не этот дурацкий суд. И она, Зося, считает, что парней приглашают как раз на этот чемпионат, потому что там наверняка недобор участников.

Этот короткий монолог имел потрясающий успех. Леха поверил девушке сразу и безоговорочно, успокоился и снова засунул в сумку уже почти вытащенные вещи. Остальным очень понравилась идея участия в конкурсе. Излишней скромностью все пятеро не страдали, а потому верили в свои внешние данные.

– Думаешь, надо узкие плавки взять? – обратился Антон к Зосе, подмигивая.

Та не смутилась:

– Скорее всего, их там будут раздавать. Обычно так происходит.

– Фу, это же так негигиенично, – закатил глаза Андрей, томно изгибаясь.

Зося все-таки покраснела и сказала:

– Думаю, каждому предоставят собственные трусы. – Она с веселой укоризной посмотрела на близнецов. – Ну вас в баню, с вашими разговорчиками!

4

В одиннадцать часов во двор Школы милиции въехала «Газель» и остановилась у крыльца. Курсанты быстро разместились в салоне. Капитан Мочиллов сел впереди и гордо сказал: «Поехали!», сопроводив это историческим жестом первого космонавта. Машина немного поспротивлялась, как истинная женщина, но потом все же завелась и действительно поехала.

Через два часа она въехала в почти такой же двор, принадлежавший семьдесят четвертому отделению милиции города Калюшина. На пороге их встретил начальник отделения.

«До чего же начальники отделений не похожи друг на друга!» – подумал Федя. Его мнение разделил бы каждый, кто увидел сначала Ворохватова, а затем Иннокентия Аркадьевича. Иннокентий Аркадьевич Добродушевич был пухл, кудряв и улыбчив до умиления. Взяв под руку Мочилова, он провел того в кабинет, не переставая по дороге что-то бормотать ему на ушко. Курсанты следовали за ними. В кабинете они обнаружили мягкие кресла, множество стульев, чайник и вазочку с печеньем. После того как всех гостей рассадили, свое место занял и Иннокентий Аркадьевич, впрочем, он тут же вскочил снова, чтобы налить Мочиллову чаю.

– Милый мой Глеб Ефимович, как замечательно, что вы приехали с мальчиками. На вас вся надежда! У нас в городе произошло такое событие, такое, просто говорить страшно. А все милиционеры, как назло, или в отпуске, или на страшно важном задании. В общем, если не вы, то никто. Понимаете? Мы просто в ужасе.

Выслушав эту тираду с совершенно бесстрастным лицом, Мочиллов попросил объяснить, в чем, собственно, дело.

– Напали на человека, – тут же перешел к делу Добродушевич. – Причем не просто на человека, а на сына одного очень известного фермера. И даже это не главное. Этот сын является к тому же главным претендентом на победу в отборочном туре чемпионата России по бодибилдингу. Я, конечно, не уверен, но его папаша утверждает, будто бы нападение организовали конкуренты. Откуда, казалось бы, ему знать, но ведь сердце родителя всегда чувствует неладное. Вы так не считаете?

По выражению лица Мочилова было вполне понятно, что он не склонен вообще принимать в расчет всякие глупости, вроде интуиции или родительского сердца. Тем не менее он вежливо склонил голову, что должно было означать согласие.

– А вы, наверное, хотите подробнее узнать, как все было? – догадался Добродушевич. – Сейчас я вам расскажу. Значит, так. На Крутова наехали в прямом смысле этого слова. Он приехал в город, заселился в гостиницу и отправился записываться на конкурс. Благополучно с этим справившись, он вышел из здания и пошел, видимо, гулять по городу. Это было примерно около одиннадцати утра. Через полтора часа он был доставлен в больницу с переломом руки и сотрясением мозга. Сбившую его машину никто не видел, даже сам Крутов, так как она подъехала сзади. Люди, которые его привезли, слышали только крик, на который они и прибежали.

– То есть сам потерпевший ничего не рассказал?

– Совершенно верно. Но ведь и это еще не все. В дополнение к этому преступлению у нас в городе произошло страшное ограбление! Понимаете? В тот же день, то есть вчера вечером, из магазина «Аполлон» вынесли весь ассортимент. Залезли какие-то негодяи и все вынесли. И теперь проведение нашего конкурса находится под угрозой. – Добродушевич промокнул глаза белоснежным платком и продолжил речь: – Впрочем, нет, я преуменьшаю. Мероприятие уже сорвано, вся надежда на вашу группу. Если вы сможете изловить преступников, отобрать у них кубок и вернуть нам, тогда все еще можно наладить...

Демонстрируя железную выдержку, Мочиллов внимательно слушал Иннокентия Аркадьевича. Когда тот наконец выговорился, замолчал и шумно отхлебнул чай из чашки, капитан приступил к выяснению обстоятельств.

– Расскажите подробнее, что за мероприятие? – уточнил он, приготовив бумагу и карандаш.

– Проведение в нашем городе отборочного тура Российского чемпионата по бодибилдингу. Приедут парни со всех городов и деревень, приедут за мечтой, а тут... Можно сказать, все будущее загублено.

– Понятно, – Мочиллов зафиксировал информацию на листок и продолжил допрос: – Что за магазин? Где находится, чем торгует, почему имеет такое значение. Только отвечайте, пожалуйста, по порядку.

– Что за магазин? – переспросил начальник отделения. – Обычный антикварный магазин. «Аполлон» называется. Продают там всякие вазы, иконы, картины. Находится он на углу Лондонской и Парижской улиц. Адрес, кажется, по Парижской, двадцать пять.

– Почему же его ограбление поставило под удар проведение конкурса? – поинтересовался капитан.

– Как это почему? Да ведь там кубок продавали! – Добродушевич посмотрел на курсантов и обнаружил, что для них эта причина вовсе не столь явная, как для него.

– А, да вы же регламент не знаете! – понял он. – Дело в том, что победители конкурса получают интересные призы, а самый главный получит кубок.

– Что за кубок, уточните, – попросил Мочиллов.

– Очень красивый кубок, я сам выбирал. Такой, вроде вазы на тонкой ножке. Он был выставлен в «Аполлоне», мы уже внесли за него предоплату, и вот теперь такая неприятность. Кстати, кроме кубка, в том же магазине продавались и другие призы.

– Неужели нигде больше нельзя найти другой кубок?

– Почему, можно. Но ведь предоплату уже внесли, а это примерно треть суммы. Остальное предполагали собрать из взносов участников. И не успели! Делать кубок на заказ теперь слишком дорого, а купить где-то еще – тем более. Да и «Аполлон» на это не согласится. Они откажутся спонсировать мероприятие, а это еще большая катастрофа! Если из-за этих двух преступлений проведение конкурса сорвется, наш город потеряет очень много.

– Понятно, – Мочиллов сделал еще какие-то пометки на листе бумаги. – Значит, нам предстоит найти тех, кто напал на Крутова, и плюс еще целую партию антиквариата. Что ж, задание несложное, думаю, ребята справятся. Так?

– Так точно! – ответили те дружно.

От такого слаженного хора начальник отделения пришел в полный восторг. Он немедленно вскочил, подошел поближе к курсантам и начал их рассматривать.

– Какие brave парни у вас, Глеб Ефимович! – обернулся он к капитану.

– Курсанты совершенно обычные, – невозмутимо ответил тот. – Иногда от них можно чего-то добиться, если держать в строгости. Обязательно обратите внимание на их дисциплину, Иннокентий Аркадьевич, поскольку работать вам предстоит с ними. Я, к сожалению, должен отправиться обратно, потому что скоро начнется приемная кампания, а это дело очень ответственное, которое никак не позволяет мне отсутствовать.

Иннокентий Аркадьевич рассыпался в сожалениях, так как успел уже с любезным Глебом Ефимовичем подружиться, почувствовал даже некоторую близость душ, схожесть устремлений и прочих дружественных, может, даже чересчур, чувств. Мочиллов немедленно уехал, а Добродушевич решил познакомиться с курсантами поближе. Начал он с Феде.

– Иннокентий Аркадьевич, – он пожал руку Феде, а потом с интересом осмотрел ладонь, словно проверяя, не осталось ли на ней черной краски.

– Федор Ганга, – солидным голосом ответил тот. – Курсант Школы милиции города Зюзюкинска, третий курс.

– Очень приятно, – расплываясь в улыбке, ответил Добродушевич. – Ганга, говорите? Значит, вы действительно... Как бы это сказать... Афроамериканец, что ли? То есть нет, конечно, какой же вы американец... – Он вконец смутился и замолчал.

– Вы имеете в виду, не негр ли я? – видя такое затруднение, решил помочь Федя, а Иннокентий Аркадьевич радостно закивал.

– Видите ли, мой папа негр, а я, конечно, похож на него, – вежливо объяснил Федя.

– Ах, вот как? Ну это просто замечательно, – потер руки тот, хотя вряд ли он смог бы объяснить, что именно замечательно: то, что папа Феи негр, или то, что Федя похож на своего родителя.

– А вот вас как зовут? – обратился он к Лехе, чтобы прекратить не совсем удобный разговор.

– Пешкодралов Алексей, – отрекомендовался тот. – Курсант Школы милиции, третий курс.

– Вы все, как я понимаю, с одного курса? – отчего-то обрадовался Добродушевич.

– И даже из одной группы, – поддакнул Веня, потом протянул ладонь: – Вениамин Кулапудов.

– Очень приятно, – Иннокентий Аркадьевич пожал протянутую руку. – Вы ведь участвовали в поимке преступников и ранее?

– И не раз! – Веня окинул взглядом товарищей. – Да будет вам известно, в этом кабинете находится самая лучшая убойная группа курсантов в Зюзюкинске. Даже, наверное, и в области.

– О, это просто замечательно, – восхитился Добродушевич. – Как же зовут остальных членов этой замечательной группы?

Дирол отрекомендовался коротко и быстро, а вот с Утконесовыми возникла небольшая заминка.

– Близнецы? – уточнил начальник отделения, сравнивая братьев друг с другом и не находя между ними ни единого отличия.

– Так точно! – подтвердили братья.

– Это нехорошо, – покачав головой, Иннокентий Аркадьевич вернулся на свое рабочее место. – Как же вас различать-то?

– Да очень же просто! – воскликнул Антон. – Я вот, например, Антон, а это мой брат Андрей!

– Все ты врешь! Это я Антон, а Андрей ты! – возразил второй Утконесов.

– Ну точно, я совсем забыл. Андрей действительно я, если, конечно, я не Антон.

– Никакой ты не Антон! Я в этом уверен, хотя, на всякий случай, надо спросить у Лехи. Он один нас различать может, правда, еще мама иногда... Хотя нет, она тоже путается. Леха, я Антон или Андрей?

Леха пребывал в затруднении не меньшем, чем Иннокентий Аркадьевич, причем он совершенно не понимал, почему это Утконесовы решили, что он их может различить. Его выручил Дирол:

– Слушай, Антон, перестань разводить суматоху. Конечно, ты – Андрей, это же всем известно.

– Все, прекратите! – Добродушевич замахал руками и рассмеялся. – Ну не могу я долго сердиться! Как вас все-таки различать, вы скажите!

– Да никак не нужно, – объяснил Антон. – Называйте как хотите. Если что, мы сами разберемся.

– На том и порешим, – начальник отделения удовлетворенно кивнул. – А теперь, ребята, мне нужно вас расселить.

Он снял трубку, набрал какой-то номер. Голос его сразу изменился, стал строгим и отрывистым:

– Семенову!.. Семенова? Как у вас с вопросом поселения группы курсантов?.. Хорошо? Это хорошо. Подходите.

Он повесил трубку и немного виновато взглянул на курсантов:

– Что поделаешь, приходится быть резким. Иначе не слушаются. Раньше такое творилось... Страшная история.

– Расскажите, – участливо попросил Федя.

– Времени нет, – ответил тот. – Хотя... пока Семенова идет...

История майора Добродушевича действительно была немного грустной. Работая в отделении сначала в качестве рядового сотрудника, он испытывал постоянный стресс от резкого и грубого поведения своего начальника. Когда же карьера Добродушевича завела его самого в кресло начальника, он дал себе торжественное обещание: никогда и ни на кого не кричать, не ругаться, быть справедливым и ласковым с подчиненными.

Так Добродушевич проработал два года, при этом совершенно оправившись от стрессов и пагубного влияния людской грубости на ранимую психику начальника отделения. Это были самые замечательные два года его жизни. На работу Иннокентий Аркадьевич приходил с радостью, всем улыбался, был приветлив и радушен. Домой он возвращался, также улыбаясь, здоровье его поправилось. Однако на исходе второго года, когда эйфория доброты немного прошла, Добродушевич стал замечать, что результаты работы отделения оставляют желать лучшего. Сотрудники ленились страшно, плевали на все просьбы и указания Иннокентия Аркадьевича, регулярно уходили в самовольные отпуска, причем при этом умудрялись получать отпускные. Отделение из передового постепенно становилось отстающим.

Несчастный Добродушевич просто не представлял, что ему делать. Начитавшись умных книжек, он всячески стимулировал своих работников и материально, и духовно. Ничто не помогало. Психика начальника отделения вновь начала расстраиваться, что и привело Иннокентия Аркадьевича прямиком к психотерапевту. Тот поделился с ним надежным и проверенным лекарством, с помощью которого можно наладить работу отделения. Психотерапевт посоветовал Добродушевичу почаще кричать на подчиненных, а иногда даже рывкать на них. Вид положено было всегда иметь строгий, голос – резкий. Вместо кресел в кабинетах поставить стулья, причем чем ниже, тем лучше. Ну и все в таком духе.

Завести такой порядок Иннокентий Аркадьевич решил не сразу. Неделю он учился «делать строгое лицо» перед зеркалом втайне от всевидящего ока жены, которая по причине собственной страшной ревности терпеть не могла, когда муж крутился у зеркала, так как это было первым признаком того, что ее муж собирается завести интрижку на стороне. Еще неделю, стоя под душем, Добродушевич вырабатывал командирский тон. На борьбу с привычкой постоянно улыбаться ушло больше времени – целых два месяца. Бороться с собой было сложно, но когда он все-таки освоил новую методику, то понял, что лучшего метода работы ему не найти. Вот так и жил с тех пор добрый начальник отделения Добродушевич, который для всех своих подчиненных был самым строгим и требовательным руководителем.

– Так что вы уж держите себя серьезно, когда Семенова придет, – попросил он в заключение своего рассказа.

Семенова появилась через пять минут. Это была хрупкая, невысокая женщина среднего возраста. Окинув беглым взглядом курсантов, она вытянулась перед начальником.

– По вашему вызову прибыла! – отпартовала она.

– Где поселите гостей?

– Гостиница «Счастье Калошина», десятый этаж, номера с тысяча первого по тысяча шестой. С администрацией все улажено.

– Выполняйте! – рывкнул Добродушевич, нахмутив брови и выдвинув вперед нижнюю челюсть, отчего немедленно стал похож на самца гориллы в зоопарке.

Сухо попрощавшись с ребятами, Добродушевич напоследок сменил выражение лица, улыбнулся и незаметно подмигнул им, после чего курсанты немедленно попали в руки лейтенанта Семеновой.

– У вас много вещей? – деловито осведомилась она. Именно осведомилась, а не спросила, настолько сухим тоном это было сказано.

– Совсем нет, – ответил за всех Дирол. – Только вы не напрягайтесь так. Мы не кусаемся, – на всякий случай добавил он.

Смерив его ледяным взглядом, Семенова поджала губы, как будто смертельно обиделась на искреннее признание Дирола, после чего сказала:

– Тогда, если не возражаете, пойдем пешком.

Сказав это, она тут же развернулась и быстрым шагом направилась вдоль по улице.

– Интересно, – тихо спросил Антон у Андрея, догоняя ушедшего вперед лейтенанта, – а если бы мы ей возразили?

– Я повезла бы вас на такси, – не поворачиваясь, ответила их сопровождающая.

Через пять минут, когда курсанты предстали перед входом в гостиницу, их начали обуевать противоречивые чувства. С одной стороны, ехать в такси расстояние, которое можно пройти за пять минут, как-то неразумно. Но с другой – к такому зданию подходить пешком немного стыдно. Гостиница «Счастье Калошина» явно была предназначена для гостей несколько более высокого уровня, нежели курсанты Школы милиции из соседнего Зюзюкинска. Высокое здание, отделанное стеклом и мрамором, производило солидное впечатление. Войдя в холл, курсанты почувствовали непреодолимое желание никогда больше отсюда не выходить. Полумрак, прохлада и обилие мягких диванов привлекали мятежные курсантские души.

Хотелось завалиться на эти самые диваны, лежать неподвижно и думать о всяких глупостях.

– По всем признакам, здесь работает кондиционер, – заключил Веня, оглядываясь.

– Мы здесь будем жить? – уточнил Дирол. Пребывание в Калошине нравилось ему все больше и больше.

– На десятом этаже, – уточнила Семенова.

– Пентхауз! – выдохнул Веня. – За чей счет банкет?

– Уж точно не за мой, – так же восхищенно ответил ему Дирол. – Я пуст.

– Не волнуйтесь, с администрацией гостиницы все улажено, – успокоила их Семенова.

– А что, места попроще не нашлось? – поинтересовался Федя.

– Все остальные гостиницы заняты конкурсантами, – объяснила она. – А теперь давайте размещаться.

Все подошли к длинной стойке, за которой прохладился услужливого вида портье.

– Good Morning, ladies and gentlemen! – на неплохом английском поприветствовал он их.

– Уже давно день вообще-то, – поправил его Федя, к которому и относились эти слова.

– Вы говорите по-русски?

– Ну да, – пожал плечами Федя.

– Вот и отлично. Заполните, пожалуйста, бланки.

Курсанты расселись по креслам и начали старательно заполнять анкеты, при этом постоянно подглядывая и списывая. Эта процедура заняла много времени, так что Семенова успела уладить все формальности и поговорить с портье. В результате у того сложилось мнение, что в гостиницу приехали чрезвычайно важные гости города. Тем временем «гости» продолжали пыхтеть над бланками.

– Слышь, Дирол, а какой у нашей школы адрес? – спросил Леха, почесывая карандашом в затылке.

– Зачем тебе?

– Да вот, – Леха ткнул в анкету, – тут нужно написать домашний адрес.

– Так это же твой родной адрес надо написать, дубина! По которому ты в деревне проживаешь.

– Вот еще! – возмутился Пешкодралов. – Между прочим, Мочила всегда нам говорил, что школа – это наш дом, а окружающие – наша семья.

– А в качестве ближайших родственников ты нас собираешься указать? – вступил в разговор Веня.

– Вот вы мне сдались! Я деда напишу! Я же знаю, что у ближайших родственников должна быть фамилия такая же, как у меня. А у меня только у деда такая же фамилия. Мне мамка свою девичью фамилию записала, чтобы ее род продолжился. Она ведь единственный ребенок в семье.

– Вот и пиши адрес деда, только школу в покое оставь, – отрезал Дирол.

– Как же я его адрес напишу, когда он в лесу живет, – бормотал Леха, почесывая затылок. – Хотя, может, так и сделать. Дрыщинский заказник, домик лесника.

Пока Леха вписывал в анкету адрес своего деда, Антон дошел до вопроса «вес» и озадачился.

– Это когда же я в последний раз взвешивался? – задумался он, уставившись в потолок.

– Проблемы? – подбежал к нему портье.

– Ага, то есть yes, – ответил тот, вспомнив о любви портье к английскому языку, но тут же сплюнул и проговорил: – Да что вы, по-русски не умеете говорить? Весы бы мне раздобыть.

– Так это айн момент, – кивнул тот и исчез. Появился он через двадцать секунд, держа в руках маленькие напольные весы.

– Думаешь, они меня выдержат? – поинтересовался Антон у брата. Тот придиричиво осмотрел чудо заграничной техники.

– Выдержат, – вынес он вердикт. – Они на триста кило рассчитаны, а ты точно меньше вешишь.

– Надо же, какие крохотные, а такую массу выдерживают. Ну, тогда ладно, – согласился Антон и встал на весы. Некоторое время он внимательно смотрел на экранчик, где высветился его вес, потом опять позвал брата: – Слышь, Андрюха. Посмотри, что у меня там.

Андрей внимательно изучил экран, потом протер глаза и еще раз рассмотрел цифры.

– Сто восемьдесят килограмм, – прошептал он.

– А я уж думал, мне почудилось, – ничуть не расстроился Антон.

– Похоже, что нет.

– А ты на них там не опираешься? Ну-ка руку в сторону убери, – приказал близнец.

– Да нет, не опираюсь. Они сами столько показывают, – обиделся Андрей.

– Не может быть.

– Дай-ка я встану. – Пораженный Андрей столкнул с весов брата в надежде, что произошла какая-то ошибка. Весы были упорны, правда, теперь они показали даже на три килограмма больше. – Ничего себе! А еще говорят, что молодые люди с возрастом худеют! – несказанно удивившись, воскликнул Андрей. – Видно, мы этот возраст уже прошли и теперь резко начали набирать вес! – решил он. – Только что-то его не видно. Мне кажется, сто восемьдесят килограмм должно быть видно. Я не очень толстый?

– Да нет, совсем нет, – ответил Антон. – А у меня второй подбородок не появился?

– А ты, когда бреешься, в зеркало на себя не смотришь? – съязвил брат.

– Смотрю, конечно. Но кто его знает...

– Подбородок у тебя один. И вообще, ты тощий, как голодающий петух.

– Впрочем, как и ты, – отпаривал Антон.

– Ладно, какая разница, – решил Андрей. – Может, это у них такие специальные гостиничные весы. Давай напишем, что они показывают.

Наконец тем или иным способом анкеты оказались заполнены, сданы, а взамен них были получены ключи. Под руководством Семеновой курсанты поднялись на десятый этаж и тут же разошлись по номерам. Лейтенант зашла к каждому, осмотрела номер, выдала суточные, предупредила, что полотенца и халаты принесут позднее, предложила в случае чего обращаться к ней за помощью и распрощалась.

– Ни фига себе! – потрясенно проговорил Веня, осматривая номер. Слова эти не были обращены ни к кому, так как Семенова уже ушла, а товарищи еще и не думали появляться. Тем не менее ему понадобилось высказаться вслух, может быть, затем, чтобы точно понять, не снится ли ему все это. Веня сразу вспомнил детство, когда он только мечтал пожить в подобных апартаментах и уж никак не подозревал, что удастся ему это только после поступления в Школу милиции. Скорее наоборот, если бы кто-нибудь тогда сказал ему, что менты хоть иногда ночуют в таких номерах, Веня бы рассмеялся этому человеку в лицо, а может, и сопроводил бы свой смех крепким выражением. И вот теперь он даже еще не настоящий милиционер, а уже живет в самой дорогой гостинице города.

Вслед за тем мысли Кулапудова устремились к Зосе. Не подумайте ничего неприличного, просто Веня вообразил, как бы здорово она смотрелась на фоне этих мягких диванов и кадок с пальмами. Он тут же поклялся, что когда-нибудь накопит денег на такой номер и обязательно побалует Зосю.

Совсем другие эмоции обуревали душу Антона Утконесова. Не то чтобы ему не понравился номер, просто он очень резко почувствовал недостаток чего-то очень важного и привычного. Чего-то такого, что всегда у него было, а теперь вот куда-то пропало. Если бы администратор гостиницы догадался о такой душевной привязанности Антона, то наверняка выделил бы ему другой номер: не одноместный, а двухместный, где близнецы смогли бы жить рядом, потому что больше всего Антону не хватало брата.

На самом деле близнецы почти никогда не расставались, всегда жили в одной комнате на одной двухъярусной кровати. С самого раннего детства их вместе ругали и хвалили. Если одному покупали мороженое, то и другому. Ремня тоже обоим доставалось поровну. И простудой они болели одновременно, а если один приходил с улицы с разодранной коленкой, то можно было не сомневаться, что второй явится со сбитым локтем или подбитым глазом.

Зная все это, нетрудно понять чувства младшего Утконесова, когда он оказался в большой, красиво обставленной и совершенно чужой комнате в одиночестве. Десятью годами ранее в такой ситуации Антон просто заревел бы в голос и немедленно отправился на розыски брата. Теперь ему не пришлось делать ни того, ни другого: реветь не позволял возраст, а брат появился сам.

– Как тебе номер? – поинтересовался он.

Антон пожал плечами:

– Пустовато как-то. Скучно.

– Ага, и у меня та же фигня. Как думаешь, мою кровать можно будет сюда перенести?

– Не-а, в дверь не пролезет.

– Ладно, не важно. Все равно я там жить не буду один. Скука смертная, даже поговорить не с кем.

– А администрация не будет против, как думаешь? – вдруг задумался Андрей.

– А кто им скажет?

Так и было принято совместное решение жить в одной комнате, отчего обоим близнецам сразу полегчало.

А вот Федя, наоборот, войдя в номер, почувствовал себя в своей тарелке. Он прошел по мягкому ковру, провел рукой по столу, изучил пальцы в поисках пыли, не нашел ее и довольно хмыкнул. Проверил на работоспособность телевизор и музыкальный центр, обнаружил на полке вазу с фруктами, откусил от яблока и убедился, что оно в меру сладкое. Осмот-

рев всю обстановку, Федя почувствовал полное моральное удовлетворение, как будто бы этот номер был его личным творением. Он понял, что вместе с цветом кожи унаследовал от африканского папы-царя еще и трогательную тягу к комфорту и роскоши, которая до поры до времени мирно спала в его душе, дожидаясь такого вот момента. На самом деле Ганга-старший вовсе не был царем или даже принцем, однако друзья и прочие знакомые давно приучили Федю считать именно так.

Наверное, самое сильное впечатление номер произвел на Леху. Зайдя в ванную комнату, он понял, что не имеет представления о назначении доброй половины приборов, расположенных тут. Первым побуждением Пешкодралова было решение выйти и больше никогда сюда не заходить. Однако он понимал, что хотя бы по утрам ему придется посещать ванную, а потому решил разобраться хотя бы с устройством и функционированием диковинной раковины с таким же диковинным краном.

Кран сразу поверг Леху в ступор. Он не имел ничего такого, что можно было бы повернуть или нажать для того, чтобы полилась вода. Леха внимательно осмотрел его, в надежде что где-нибудь сбоку или снизу есть незаметная кнопочка, однако ничего не нашел. Он изучил всю стену вокруг раковины, саму раковину, но и там ничего не нашел. Это была настоящая проблема, а подобные проблемы Леха привык решать одним способом: разобрать, посмотреть, как все устроено внутри, а потом собрать обратно. Решившись, Леха сунул руку под кран, чтобы его открутить. В этот момент из крана полилась теплая вода.

Такое событие парня просто ошарашило. Отказавшись от своей идеи развинтить кран, он выдернул руку. Течь перестало. В течение следующих пяти минут Леха только и делал, что совал руку под кран, а потом вытаскивал ее обратно, пока наконец не убедился, что между этими действиями и вытеканием воды существует прямая зависимость.

«Неужели наблюдают? – Леха постарался незаметно осмотреть стены и потолок, но камеры нигде не обнаружил. – Да нет, вряд ли. Хотя в такой гостинице все возможно. И как же теперь принимать ванну?»

Впрочем, эта мысль недолго занимала Леху. Он заранее уже решил, что не будет проводить в ванной комнате слишком много времени, а последние события только утвердили его в этой мысли.

Дирол же пришел от своего номера в полный восторг. Завопив, он разбежался и прыгнул на кровать. Та упруго прогнулась, покачав обалдевшего от восторга курсанта. Когда его голова коснулась подушки, Дирол понял, что всю жизнь мечтал об этом. Он тщательно осмотрел всю обстановку, но не обстоятельно, как Федя, а восторженно. Во всем он находил новые и новые прелести. Дистанционным пультом был снабжен не только телевизор, но и музыкальный центр, и кондиционер. Возле письменного стола находился стул на колесиках, на котором можно было беспрепятственно путешествовать по всему номеру. В одной из стен обнаружился открытый бар, в котором уже стояли несколько бутылок с яркими иностранными этикетками и полный набор стаканов. Не удержавшись, он отправился делиться впечатлениями к близнецам.

Через полчаса в комнате у Антона собрались все курсанты. Они уже отошли от первого знакомства с «Счастьем Калошина» и вспомнили о том, зачем, собственно говоря, они сюда приехали. Наибольшую сознательность проявил, как обычно, Веня, который по привычке взял на себя обязанности координатора.

– Хорошо, конечно, тут, – проговорил он вполголоса, оглядывая Антонов номер. – Но надо же дело делать.

– Надо, – согласно кивнул Леха.

– Что у нас имеется? Дирол!

– Да ладно тебе, Венька, опять Мочилу из себя разыгрываешь. Все у Добродушевича были, все слышали – на пацана наехали, что тут непонятного. Припугнуть, видно, хотели.

– А может, его хотели убить, но не справились? – высказался Федя.

– В смысле?

– Ну, не до смерти задавили. И теперь ждут подходящего случая, чтобы завершить свое черное дело.

Федина мысль всем почему-то понравилась. Оберегать человека от невидимой смерти всегда приятнее, чем от каких-то хулиганов, решивших пошутить.

– Тогда чего мы тут сидим? – взвился Андрей. – Нужно срочно идти в больницу и охранять парня.

– погоди пока, – остановил его Веня. – Давайте обсудим дальше.

– Про вазу еще не забудьте, – вставил реплику Леха. – Нам же еще вазу искать.

– Фи, где тебя научили так выражаться. Во-первых, не вазу, а кубок...

– А во-вторых, по важности это задание значительно уступает первому, – прервал Дирола Веня. – Хотя ему тоже стоит уделить внимание. Предлагаю разделиться.

– Поддерживаю, – сразу согласился Пешкодralов, которому ужасно надоели приколы Дирола.

– Леха хочет заниматься вазой и только вазой, – громко прошептал Дирол на ухо Антону Утконесову. Услышали все. Леха покраснел.

– Кубком будут заниматься все, но позже. Сначала нужно разрулить с Крутовым. Предложение у меня такое. Половина поедет в больницу, охранять потерпевшего и пытаться выяснить у него подробности преступления. Вторая половина поедет в деревню общаться с Крутовым-старшим и пытаться выяснить мотивы преступления.

– Так известны же мотивы? – попытался было заикнуться Федя, но тут же был остановлен Кулапудовым.

– Доверять нельзя никому и ничему. Может, этот папаша сам на своего сынка наехал, а теперь вину на других перекладывает.

– Зачем наехал?

– Да какая разница. Ну, например, в воспитательных целях. Одни родители ремнем наказывают, в угол ставят, а он, может, наезжает. В общем, нужно выяснить все про этого Крутова. Задание важное, поэтому поеду я сам. Кто со мной?

– Я! – немедленно отозвался Леха.

– Мы останемся, – в один голос заявили близнецы. – Нам тут привычнее.

– Безусловно, Утконесовым нужно быть здесь, они местность знают, – поддержал их Дирол, рассчитывавший остаться тоже.

Однако Веня быстро смекнул, что союз Зубоскалин – Утконесовы вряд ли будет заниматься раскрытием преступления всерьез.

– Что ж, договорились. Тогда остаются еще Федя и Санек, которым по фигу. Но если рассуждать здраво, то Феде лучше остаться в городе.

– Почему это? – хором возразили двое, «которым по фигу», но которые на самом деле переживали, где работать.

– Боюсь, что в деревне его встретят неадекватно. Думаете, туда частенько приезжают негры?

Когда Веня начинал мыслить логически, возражать ему было трудновато. Как Диролу, который мечтал остаться в городе, так и Феде, которому очень хотелось съездить в деревню, пришлось согласиться с его выводами.

– Ну, это хотя бы ненадолго? – поинтересовался Санек.

– Зависит от того, какие результаты мы получим, – Веня был безжалостен. – Теперь осталось только утрясти организационные вопросы – и вперед.

Организационные вопросы утрясли быстро. Один звонок Добродушевичу – и в больнице близнецов и Федю уже ждали пропуска и халаты, а остальных в кассе вокзала ждали билеты до деревни с милым названием Копылка.

– Каждый вечер, начиная с завтрашнего дня, в семь часов кто-нибудь из вас обязательно должен быть в этом номере, – напоследок предупредил Веня. – Мы будем вам звонить.

– Каждый вечер? – ужаснулся Дирол. – А мы разве не сегодня же вернемся? Ну, хоть подушку-то можно с собой взять?

– Дирол, не паясничай. Вернешься к своей подушке, никуда она не денется. Все, адью! Наскоро собрав пожитки, Леха, Веня и Дирол отправились на вокзал.

5

– Федя, тут такое дело, – неуверенно начал Антон, подбадриваемый взглядом брата. – В общем, нам домой надо сходить. Мы понимаем, служба и все такое... Но нам очень надо, правда. И это ненадолго совсем, просто небольшой семейный обед.

– Мы бы забили на него, но потом хуже ведь будет, – поддакнул ему Андрей, жалобно глядя на Гангу.

– Может, ты с нами пойдешь? – предложил Антон.

– А как же Крутов? – спросил Федя.

– Да ничего с ним не будет, – отмахнулся Антон, а Андрей добавил: – Он уже сутки в больнице лежит, и ничего пока не случилось. Перебьется еще пару часиков без нас.

– Если что, мы за все ответим, а ты будешь ни при чем, – пообещал Антон, а Андрей отчаянно закивал.

– Знаю я ваше «ни при чем», – проворчал Федя. – Как обычно вывернетесь, а мне отдуваться. У вас хоть кормят вкусно?

– Вкусно-вкусно! – закивали оба, а Андрей добавил:

– Уверен, нашим родственникам ты понравишься!

* * *

По дороге к дому близнецы придумывали, как бы им разыграть родителей.

– Давай откроем дверь ключом, тихонько проберемся в комнату и будем там сидеть, как будто и не сбежали! – предложил Антон.

– Ага, а через полчаса, если никто не зайдет, крикнем: «Мама, мы есть хотим!» – поддержал идею его брат.

– Тогда ваша мама упадет в обморок и есть вы точно не получите, – возразил им Федя, который уже успел составить собственное мнение о родителях близнецов.

– А вот и нет! Сначала она приготовит обед, разложит его по тарелкам, а потом уже пойдет проверять, кто же требует поесть.

– Неужели ей настолько безразлично, кого кормить? – удивился Федя.

– Ага! – подтвердил Антон. – У нас постоянно столько народу крутится: всякие дяди и тети, племянники, наши товарищи, бабушкины партнерши по преферансу и еще разные мамини и папины знакомые. Всех не упомнишь.

– Вы уехали в другой город, а ваши товарищи обедают у вас дома?

– Бывает, они там даже живут, когда с родителями поругаются. Или просто так заходят. У нас дома настоящий проходной двор. Точнее, постоянный.

– Такое ощущение, что меня там просто никто не заметит, – покачал головой Федя.

– Все может быть, – пожал плечами Андрей.

– А если я войду к вам и скажу, что учусь с вами, меня покормят?

– «Покормят» – это не то слово. Тебя обкормят до одурения и при этом будут расспрашивать, как мы там живем и что едим, чего нам не хватает и так далее.

– А бабушка спросит про нашу личную жизнь, ходим ли мы на дискотеки, волочимся ли за девушками, – добавил Андрей.

– А папа поинтересуется нашими успехами в учебе, новыми предметами, очередными приколами Мочилова, – вставил Антон.

– А сестричка первым делом поинтересуется твоими собственными успехами на личном фронте, потом выяснит телефон и адрес.

– И если ты расколешься, то она завалит тебя письмами и открытками. Ее подружки будут поздравлять тебя с днем рождения, а ее поклонники – угрожать физической расправой, – Антон увлекся и, описывая приятелей сестры, активно размахивал руками.

– И когда, наконец, у тебя уже не останется сил, чтобы отвечать на их вопросы, мама робко поинтересуется, не устал ли ты. При этом она будет очень надеяться, что ты готов болтать еще по меньшей мере часа два. И когда ты все же признаешься, что больше не можешь есть и говорить, мама немного всплакнет, расскажет тебе пару случаев из нашего детства, а потом все же отстанет, – Андрей завершил рассказ широким взмахом руки.

– С ума сойти. Скажите, вы ведь преувеличиваете? – поинтересовался Федя.

Антон глянул на него, иронично приподняв бровь:

– Хочешь проверить на практике?

Федя с опаской покачал головой.

– Тогда поддержи наш розыгрыш. Мы заходим тихонько, стараемся не попасться никому на глаза, проходим в комнату и сидим там. Через десять минут заявляешься ты и требуешь нас. Говоришь, что уверен, будто мы должны быть у себя дома.

– А дальше?

– Заставляешь наших родителей все же усомниться и поискать нас немного. А уж мы постараемся сделать так, чтобы они быстро нас нашли, – ухмыльнувшись, ответил Андрей.

– Уж постарайтесь, – кивнул Федя. – Ладно, договорились.

Дальше все развивалось по заранее согласованной схеме. Близнецы неслышно открыли дверь, напоследок подмигнули Феде и так же тихо закрыли ее за собой. Судя по тому гомону, который доносился из квартиры, гостей действительно было много. Выждав обговоренные десять минут, Федя позвонил. Ему пришлось повторить это еще трижды, прежде чем дверь открылась. На пороге стояла приятная особа лет шестидесяти, судя по описаниям, бабушка Утконесовых или же одна из ее подруг.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Федя. – Мне нужен Антон или Андрей.

– Добрый день, – также вежливо ответила собеседница. – Проходите.

Федя сделал всего один шаг и, оказавшись в прихожей, снова остановился. Он не привык, чтобы незнакомые люди встречали его радушно, цвет его кожи обычно вызывал обратную реакцию.

– Вам ведь нужен один из близнецов Утконесовых? – уточнила женщина.

– Или оба вместе, – подтвердил Федя.

– Подождите, сейчас я позову кого-нибудь из их родни, – ответила она и удалилась.

Пока ее не было, Федя изучал квартиру и пытался представить, где же спрятались близнецы. Прихожая плавно переходила в длинный коридор, из которого можно было попасть как минимум в пять комнат. Доступные его взору двери были распахнуты настежь, из комнат доносился гул голосов. Воспользовавшись ситуацией, Федя решил попрактиковаться в поиске следов. Он опустился на четвереньки в поисках отпечатков, которые должны были остаться после близнецов. И тут же обнаружил, что стоит на мокрой половой тряпке.

«Так, ну это понятно, – сказал он сам себе. – Мама тоже постоянно оставляет тряпку у двери. Значит, они неминуемо должны были на нее наступить».

Внимательно присмотревшись, Федя обнаружил две пары мокрых следов. Они удалялись дальше по коридору, где высыхали и становились совершенно незаметны. В какую именно комнату направились Антон и Андрей, было совершенно непонятно.

«Следы идут вдоль правой стены, а это значит, что близнецы укрылись в комнате справа. Наступали на всю ногу, а не шли на цыпочках. Что бы это значило?.. Ага! Они не старались спрятаться, а значит, шли недалеко. Логично? Логично! – ответил он сам себе. – Таким образом, можно предположить, что Антон и Андрей находятся в ближайшей правой комнате. Дверь они закрывать не стали, это привлекло бы внимание. А чтобы спрятаться в комнате с открытой

дверью, лучше всего за этой самой дверью и встать. Но вдвоем они туда не влезут – это факт. А хотя...»

Федя немного продвинулся по коридору, чтобы посмотреть, открыта ли дверь полностью или только наполовину. Поскольку он все еще стоял на четвереньках, бабушка Утконесовых, вышедшая навстречу гостю, немного удивилась.

– Что это вы здесь делаете? – воскликнула она.

Федя поднял глаза. Над ним возвышалась приятного вида женщина, возраст которой было очень трудно определить точно. О ее принадлежности к «бабушкам» можно было сказать лишь по характерному доброму взгляду, который бывает только у самых лучших представительниц этого класса.

– Из... извините! – Федя покраснел, но она не заметила.

– За что? – удивилась та.

– За то, что стою тут в таком виде, – объяснил гость, спешно поднявшись. Теперь уже он возвышался над собеседницей, которую это нисколько не смутило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.